

ЕВРЕЙСКИЙ ДАМЕРТОН

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

ИСТОРИЯ, ОПЕРЕННАЯ РИФМОЙ

Очерки новой истории Израиля в стихотворениях

Натан АЛЬТЕРМАН

Натана Альтермана (1910-1970) можно по праву считать одним из лучших еврейских поэтов XX в.

Настоящее издание представляет собой подборку стихов, в которой Альтерман в 1943-1967 гг. публиковал сатирические стихи на злобу дня. Каждое стихотворение предваряется развернутым примечанием, в котором воссоздается исторический фон, раскрываются побудительные мотивы написания.

Составитель сборника, автор переводов и комментариев к ним - известный израильский прозаик, поэт, драматург и переводчик Алекс Тарн.

Книга выпущена издательством "Книжники" в серии "Чейсовская коллекция" в Москве в 2017 г. Мы публикуем фрагменты из первого раздела "Катастрофа европейского еврейства".

Из всех народов

Нельзя сказать, что до ишува вовсе не доходили сведения о бедственном положении европейских евреев. Альтерман, как и многие другие жители Эрец-Исраэль, знал на собственном опыте, чем грозит еврейскому населению любая война в антисемитской Европе: ведь прошло всего два десятилетия после окончания Первой мировой с ее ужасающими погромами, массовыми убийствами, кровавыми наветами, сотнями тысяч беженцев, десятками тысяч сирот. Конечно, то, что евреям приходится несладко и при Гитлере, было понятно даже оторванным от европейских событий людям, которые сидели за столиками тель-авивских кафе. Но никто из них и вообразить себе не мог истинных масштабов происходящего. Да, слухи доходили ужасные - но слухам, как известно, верить нельзя.

Уж на что страшными были годы предыдущей бойни, но ведь народ перенес ее, поднялся, выжил - да и прежде знавал похожие катастрофы: крестовые походы, чумные погромы, "хмельничину", гайдамаков... Как-нибудь выживем и теперь, Бог не выдаст. Соответственно преобладающим мотивом газетных материалов было желание подбодрить попавших в беду соплеменников: не отчаивайтесь, мол, братья, держитесь, пройдет и эта беда...

Альтерман, который в принципе не поддерживал пессимистического взгляда на вещи, публиковал в своей колонке исполненные оптимизма тексты даже в самые трудные дни весны-лета 1942 года, когда союзники терпели поражения и отступали на всех фронтах - от приволжских степей до ливийской пустыни и тихоокеанских акваторий.

Наверное, поэтому официальное коммюнике Еврейского агентства¹, опубликованное 23 ноября 1942 года и подтвердившее известия о Ванзейской конференции² и о развернувшемся в Европе систематическом истреблении евреев, произвело в Стране впечатление разорвавшейся бомбы. Оно основывалось на достоверных источниках - как самого Сохнута, так и правительственных учреждений Британии и США, и ужасающий смысл его превосходил самые неправдоподобные слухи. Несколько дней спустя Натан Альтерман опубликовал стихотворение "Из всех народов", во многом задавшее тон всей его последующей поэзии. Лейтмотивом этого текста он избрал строку из еврейской молитвы - благодарственного обращения к Богу, "избравшему нас из всех народов"...

Стихотворение "Из всех народов" было опубликовано 27.11.1942, то есть еще в газете "Гаарец", но впоследствии автор включил его в книжное издание "Седьмой колонки".

Слезы наших идущих на смерть детей
мировых не обрушили сводов.
Потому что любовью и волей своей
Ты избрал нас из всех народов.

Ты избрал нас из прочих - на брит и обет -

из огромного пестрого стада.
Оттого даже дети, по малости лет,
знали точно и твердо: спасения нет,
и просили у мамы, идущей вслед:
не смотри, не смотри, не надо...

Плаха сыто стонала, журчал кровосток,
и отец христианнейший в Риме
не спешил на подмогу
с заступным крестом,
чтоб хоть день постоять рядом с ними.
Чтоб хоть день постоять
под ножом мясника -
как стоят наши дети века и века.

Не смотри на нас, мама, - на ямы и рвы,
на весь мир этот, ставший погостом...
Мы - солдаты одной непрерывной войны.
Мы малы, но не возрастом - ростом.

Ну а Ты... - Ты, чья воля, и мощь, и стать -
Бог отцов наших, страшный и милый,
Ты избрал нас из прочих народов - стать
мертвецами на адских вилах.
Только Ты сможешь
всю нашу кровь собрать,
ведь другим это - не под силу.

Можешь нюхать ее, как свои духи,
можешь пить ее, добрый Боже...
Но сначала в ней убийц утопи.
А потом равнодушных - тоже.

В тот день

Как и многие другие, Натан Альтерман обвинял в преступлении всю Германию, не делая при этом исключений ни для кого: "потому что в каждом немецком доме сидит палач". Забегая вперед, отмечу, что эту позицию он сохранил на долгие годы, последовательно выступая против таких контактов с Германией, которые можно было бы истолковать как простые человеческие взаимоотношения, как признание немцев нормальными людьми. Для Альтермана они навсегда остались преступниками, человеческим отребьем. Это его мнение резко расходилось с официальной позицией Бен-Гуриона и партии МАПАЙ. Особенно сильными были разногласия, касавшиеся характера первых прямых немецко-израильских переговоров (1951-1952), последующих решений о репарациях, дипломатических отношениях и торговле оружием, роли

Окончание на стр. 14

Продолжение.

Начало в предыдущем выпуске

Ян Томаш ГРОСС

при участии

Ирены ГРУДИНЬСКОЙ-ГРОСС

Из главы "Эксплуатация лагерей уничтожения окрестным населением во время войны". Если вспомнить известный жанр фильмов - вестерны, - можно сказать, что местность приобрела черты "Дикого Запада", охваченного, по словам Рахелы Ауэрбах, "золотой лихорадкой". В селе появились "проститутки из ближнего города, даже из Варшавы, охотнее до золотых монет, а водка и закуска были во всех хижинах"¹. В селах по соседству с лагерем украинцев во время увольнительной от "трудов" сердечно принимали некоторые хозяева. Их дочери были, как об этом открыто говорилось, приятельницами этих убийц и охотно пользовались их щедротами.

При этом местное население не собиралось уступать приезжим в том, чтобы доставлять развлечение лагерным стражникам, поскольку вознаграждение за оказываемые услуги было астрономическим. Украинцы платили за еду и водку, "не считая денег", и лишь под конец функционирования Трешлинка, в 1943 г., "продавали бриллианты на караты, а не на шутики". Ценный местный информатор, уже цитированный крестьянин-эндек, описывает господствовавшие отношения еще подробнее: "Недалеко от Трешлинка лежит село Вулка-Окронглик. Хозяева из этого села посылали своих жен и дочерей к украинским стражникам, работавшим в лагере, и не скрывали возмущения, если эти женщины приносили слишком мало колечек и других ценностей, оставшихся после евреев и полученных в уплату за специфические услуги. Очевидно, что такая сделка в материальном плане была очень выгодна".

При случае между ними также завязывались более близкие личные отношения. Мы знаем, например, что один из стражников в Белжеце женился на местной девушке.

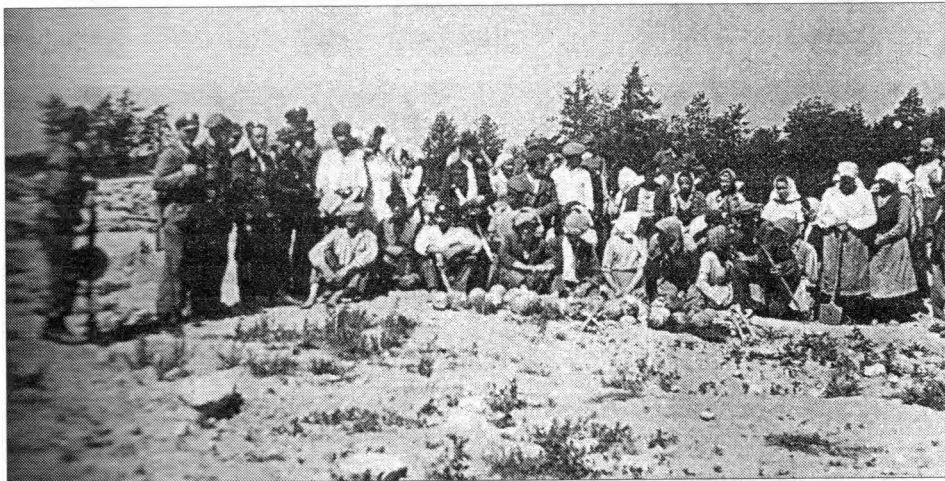
Из воспоминаний Мечислава Ходзьки мы узнаем новую существенную подробность: "У вахманов были фотоаппараты, и они делали порнографические снимки, которые показывали при удобном случае". Таким образом, быть может, отчасти раскрывается "загадка" нашего снимка: так как неизвестно, кто и с какой целью его снимал, то можно спросить и о том, откуда взялся фотоаппарат в мазовецкой деревне сразу после войны. А теперь мы уже знаем: рядом с Трешлинкой, во время войны и после нее, можно было найти буквально все, в том числе и фотоаппараты. Остальное понятно. Околица процветала. "Притоны" украинцев в окрестных селах процветали все больше. Вскоре комбинаторы из Варшавы начали завозить к ним любые деликатесы, какие можно было достать, и ценные довоенные спиртные напитки, а с весны 1943 г. - и все появлявшиеся в продаже ранние овощи".

Жители Трешлинка и окрестностей за-

ЗОЛОТАЯ ЖАТВА

В отрывках

Эту книгу читать тяжело - морально и физически. Импульсом к ее созданию послужила фотография, сделанная после войны на территории лагеря смерти Трешлинка, где местные жители занимались поисками драгоценностей, якобы оставшихся после уничтожения евреев в газовых камерах. Именно на периферии Холокоста замечены гиены в человеческом образе. "Золотая жатва" - не только описание этого кошмара, но и попытка понять его причины

работывали не только на мертвых евреях. Они занимались хозяйственной деятельностью с того момента, когда вагоны, полные привезенных на казнь людей, оставались на станции. Огромные поезда с выселенными евреями (из Варшавы приходили составы, насчитывавшие до 60 вагонов) из-за ограниченной пропускной мощности газовых камер впускали на территорию лагеря партиями. И операция по уничтожению одного транспорта, даже если все шло как по маслу, занимала несколько часов. Все это время вагоны, набитые евреями, стояли на станции. Бывало, что в Трешлинка прибывало два или три поезда сразу, и те, что пришли в сумерках, задерживались на станции аж до утра.

Как вспоминает уже цитированный инженер Юзеф Круликовский, по прибытии поезда к станции подходили жители соседних с Трешлинкой сел.

"Когда издали я впервые увидел этих людей возле поезда, я думал, что крестьяне пришли из благородной щедрости, чтобы накормить и напоить запертых в вагонах и изжарившихся людей. Работники, которых я спросил, развеяли мое заблуждение, сказав, что это обычная торговля водой и продовольствием, притом по высоким ценам.

Как я потом узнал, именно так оно и было. Когда транспорт конвоировали не немцы, которые никого к нему не допускали, а любые другие категории немецких наемников [бывало, что конвоирами были гранатовые полицейские². - Я.Г.], сбегались толпы с ведрами воды и бутылками самогона в кошелках. Вода была предназначена для продажи людям, запертым в вагонах, а самогон - на взятки конвоирам, которые за это соглашались пропустить в вагон.

Когда самогона не было или конвои-

ры не брали такую взятку, девушки обнимали их за шею и осыпали поцелуями, чтобы только получить разрешение на вход в вагоны. Когда разрешение было получено, начиналась торговля с несчастными узниками, умиравшими от жажды и платившими по 100 злотых за кружку воды. Бывало и так, что купюры в сто злотых брали, а воду не давали. В это время конвоиры баловались самогоном, а потом начинали зверские "забавы" с несчастными людьми, о которых я уже писал".

Забавы, о которых писал Круликовский, заключались в том, что пьяные конвоиры предлагали евреям позволить им бежать за деньги, а потом стреляли в них. "Однако иногда конвоиры перебирали меру и так напивались, что не могли стрелять в бегущих прицельно, поэтому иногда узникам удавалось убежать"³. Дежурный движения на станции Трешлинка добавляет, что, когда "у конвоиров не хватало боеприпасов, [то] жандармы бросались за убежавшими и убивали их прикладами карабинов, штыками и даже железными ломом и вилами, отнятыми у крестьян в соседних хозяйствах". Пьяные конвоиры издевались таким образом особенно над пассажирами поездов, переживавших ночь на станции, так что для многих обреченных мучения перевозки кончались еще до порога газовой камеры: "В течение дня собирали трупы со станции на несколько вагонов-платформ и отвозили их в лагерь смерти". "После ликвидации восстания в Варшавском гетто, в мае 1943 г., - пишет Круликовский, - стрельба из карабинов после прибытия поездов была такой сильной, словно на путях происходили боевые действия".

Из самой Варшавы в Трешлинка при-
было около сотни поездов с жертвами,

обреченными на смерть. Всего же их прибыло примерно вдвое больше, так что доходы от - как бы это назвать - торговли (?), наряду с доходами содержателей притонов и "девочек", произвели революцию в местной экономике⁴. Жительница Белжеца говорила после войны, что людям из ее мест во время оккупации трудно было соблюдать приличия.

Хозяйственная эксплуатация мест массового уничтожения окрестным населением, разумеется, не была польской спецификой. Казимеж Сакович, живущий возле леса, где во время войны было убито 100 тысяч человек (в основном евреев, но среди жертв встречались и поляки), всего лишь через три дня после того, как литовцы начали расправу с вильнюсскими евреями, записал в "Дневнике, написанном в Понарах с 11 июля 1941 г. по 6 ноября 1943 г.": "Торговля идет вовсю. <...> С 14 июля раздеваются до белья, одеждой торгуют в массовом масштабе". Запись от 1-2 августа: "Для немцев 300 евреев - это 300 врагов человечества, для литовцев же это - 300 пар обуви, белья и т.п.". 22 августа Сакович отмечает: "Немцы забирают ценности, оставляя литовцам одежду и прочее".

Дневник Саковича очень лаконичен, основные записи занимают лишь несколько строк, и лишь иногда мы встречаемся в них с более развернутым описанием: "21/XI. С базы вышел шаулис с карабинами, и на дороге (это был базарный день, пятница) начал продавать принесенную женскую одежду: несколько плащей, платьев, ботики. Последнюю пару плащей - гранатовый и коричневый - он продал за 120 (сто двадцать) рублей и "в придачу" дал еще пару ботинок. Когда один из крестьян (Вацлав Такун из Старого Мендзыжеца) спросил, будет ли он еще продавать, шаулис ответил: пусть "пождет", пока он "выберет" еврейку по размеру. Такун с женой были поражены и, когда шаулис отошел, быстро уехали. Шаулис явился с одеждой, был зол, что этих "хамов" нет на месте, ведь он "трудился", раздевая еврейку из четвертого ряда, которая по росту была "падхадзщей" для крестьянки".

И так будет уже до самого конца: "7 октября, четверг, 1943 г. С утра по приезде торговля вещами вчерашних жертв. <...> Торговля идет шибко. <...> 11 октября, понедельник, 1943 г. Эти постоянные, почти ежедневные расстрелы привели к тому, что литовские торговцы вещами, во главе с браковщиком Куласкисом из Скорбуцяна, уже постоянно - днем и ночью - на месте. Пьют целыми ночами. <...> 13.X - среда, 1943 г. Шаулисы чего-то ждут, так как будет партия. <...> Ждут и покупатели. Не привезли. Около 12 ч. в полдень грузовик..."

Сведения о торговле вокруг лагерей и транспортов проливают дополнительный свет на наш снимок. Крестьяне и крестьянки из окрестностей Трешлинка - это не только копатели, занятые поисками золота на лагерной территории. Это опытные торговцы и торговки, родствен-

ники "подружек" вахманов, хозяева, готовившие для них вкусные обеды, хозяева - продавцы часов и колец, оставшихся от евреев. Скорее всего, они уже прибрахлились, но кладбищенское поле постоянно соблазняет.

Глава "Захват еврейской собственности простыми людьми". С последствиями изъятия еврейского имущества мы сталкиваемся до сих пор. Наследники принадлежавших евреям произведений искусства, проданных во время так называемых "вынужденных транзакций" (т.е. только потому, что нацисты находились у власти), до сих пор ведут процессы о возвращении имущества, приобретенного таким путем. Их адвокаты ссылаются на то, что "вынужденные транзакции", как и "ариизация", были формой грабежа, лишь прикрытой формами купли-продажи.

Разумеется, этот же аргумент относится не только к собственности на произведения искусства или роскошные виллы. Бедные евреи, продававшие за гроши постельное белье, мебель, предметы домашнего обихода или зимнюю одежду соседям-арийцам, тоже были ограблены, притом куда чувствительнее, чем их богатые товарищи по несчастью, потому что такая принудительная пауперизация сталкивала их за грань нищеты. Все, кто пользовались случаем поживиться еврейским имуществом за малую долю его подлинной цены, - независимо от того, были ли объектом этих вынужденных транзакций ценные объекты или нет, - принимали участие в грабеже европейского еврейства. Равным образом это относится и к правительствам полутора десятков европейских стран, и к несколькими сотням музеев, тысячам галерей и торговцев предметами искусства, паре десятков тысяч оборотистых дельцов и миллионам простых людей, которые таким путем приложили руку к ограблению своих еврейских соседей⁵.

Но - и об этом мы уже знаем - население оккупированной Европы перехватывало имущество евреев не только за счет вынужденной продажи или декретированной ариизации. В ожидании начала вывоза из Щебрешина в середине апреля 1942 г. "схехалось много телег из окрестных сел, и все они почти целый день простояли в ожидании, когда можно будет приступить к грабежу, - отмечал директор городской больницы Зигмунд Ключковский. - С разных сторон приходят вести о скандальном поведении части польского населения и грабеже брошенных еврейских жилищ. По этой части наше местечко наверняка не окажется позавиднее всех", - писал он с горькой иронией. И действительно, в октябре, после очередной "акции", доктор Ключковский вновь возвращается к теме грабежей и записывает в "Дневнике...", что "население расхватывает из распахнутых еврейских домов все, что под руку попадется, люди без стыда тащат целые тюки с убогим еврейским добром или товарами из еврейских магазинчиков". В другом уголке Польши, в Едвабне, 10 июля 1941 г. "еще догорала стодола, когда часть жителей бросилась за добром, оставшимся после евреев".

Очень сходно происходили события на другом конце Европы. Когда самая древняя еврейская община была депортирована из Салоник, то, "как только евреи покинули город, население бросилось по их домам, обдирая полы, стены и потолки в поисках спрятанных сокровищ... Наступило полное "нарушение общественного порядка", как заметил тогда один чиновник, а магазины старьевщиков стали наполняться краденой еврейской собственностью".

Сколько человек в Польше извлекло выгоду из этнической чистки, устроенной немцами во время оккупации, - неизвестно. Войцех Лизак оценил число "правомочных наследников в еврейских местечках" в полмиллиона, имея в виду скорее жилье, магазины, мастерские, возделываемые земли, захваченные местным населением, чем то, что Ключковский назвал "убогим еврейским добром". Но ведь мебель, хозяйственная утварь, предметы обихода, игрушки, перины, подушки, одежда (которую часто называли "еврейским тряпьем") - все это не исчезло с поверхности земли и лишь частично было выслано в Германию в качестве военной добычи. Захват еврейского имущества был настолько всеобщим, что привел к нарушению норм, регулирующих этот процесс. Наступила редистрибуция (перераспределение) собственности, и, как всегда в таких случаях, возникли механизмы для регулирования общественной практики, связанной с этим явлением.

Например, в августе 1941 г. Елена Климашевская поехала из Гонёндза в Радзилов "с целью поисков жилья для родителей мужа, так как она знала, что после ликвидации евреев там осталось свободное жилье". В Радзислове она обнаружила, что "жильем, оставшимся от евреев, распоряжается Годлевский". Она к нему обратилась, чтобы тот дал что-нибудь ее родственникам. "На это Годлевский ответил: "Меня это не касается". Когда я сказала, что у пана Годлевского четыре дома в распоряжении, а у меня ни одного, он ответил: "Обойдетесь, черт бы вас побрал, ко мне из России должен приехать брат, который при Советам был там в плену, от Советов освобожденный, и ему нужно жилье, он ответил: "Как надо было евреев ликвидировать, так никого не было, а теперь хотите иметь, где жить". На это остроотреагировала ее свекровь: "Не хотят дать жилье, а внучка моего посылали обливать бензином столы"⁶.

В данном случае мы являемся свидетелями разговора, исходным пунктом которого, по умолчанию принятым старшей пани, пани средних лет и мужчиной тоже, вероятно, среднего возраста, является убежденность, что право на владение ценным имуществом вытекает из соучастия в убийстве его владельцев.

Из главы "Замечания об убийстве евреев местными жителями". Итак, мы видим, что грабеж еврейского имущества и убийство евреев - два рода деятельности, тесно связанные между собой. Как мы помним из истории, Сталин и Гитлер совершили раздел Польши в сентябре 1939

г., так что тогдашняя граница между СССР и Третьим рейхом до лета 1941 г. проходила примерно по линии Буга и Сана, разделяя почти пополам территорию довоенного польского государства. Убийство евреев в массовых размерах началось с момента нападения Гитлера на Советский Союз в июне 1941 г., так что первая волна убийств на восточном фронте происходила на территории бывшей Польши.

Именно в этих условиях 10 июля 1941 г. жители Едвабне уничтожили своих еврейских соседей. Подобные же преступления имели место летом и ранней осенью как минимум в двух дюжинах местечек близ Белостока. Выяснилось, что польское население, поощряемое немецкими отделами умиротворения, с первого же момента начало принимать участие в истреблении евреев. Документы подполья Армии Крайовой по ходу дела отмечают эти события⁷. Вооруженные группы добровольцев, милиции, созданной в переходный период из местного населения, позже частично вошли в структуры местного управления и созданной немцами полиции. И вплоть до падения власти гитлеровцев украинцы, литовцы, латыши, эстонцы, русские, белорусы или поляки будут составлять персонал вспомогательных формирований, по-разному называвшихся на разных языках, но везде участвующих в преследовании и истреблении евреев.

Пер. с польского
Леонида Мосионжника

¹ О проститутках, с которыми имели дело украинские стражники в Собиборе сразу же после сооружения лагеря, пишет Блатт; в Треблинке проституция также совершалась на открытом воздухе в непосредственной близости от лагеря, как рассказывал Франц Штангель в интервью с Гиттой Серень.

² Местная полиция в оккупированной Польше. - Прим. перев.

³ "В конце сентября опасность из-за все более учащавшейся стрельбы стала так велика, что нам пришлось принять меры к защите. Прежде всего я отослал в Варшаву жену, разделявшую мою судьбу в этих ужасных условиях. Она подвергалась опасности гораздо больше меня, так как постоянно находилась в доме, в сторону которого очень часто раздавались выстрелы со станции... Все работники, жившие в Треблинке (а нас было очень много, так как это село было ближе всех к месту строительства) перестали ходить на работу привычной дорогой, так как она шла мимо путей и станции. Мы ходили луговыми тропинками, делая крюк, но избавляясь от необходимости падать наземь каждый раз, как начиналась стрельба".

⁴ Такой же хозяйственной деятельностью занимались железнодорожники. Об этом пишет, например, инженер Хенрик Брискер, бывший легионер и капитан Войска Польского, вывезенный во время восстания: "На высоте Таргувка поезд остановился, а грузовики Тоббенса привезли хлеб. Это была первая еда за 48 часов. Пользуясь остановкой, польские железнодорожники с разрешения конвоя приносили в чайниках воду и передавали

ее в бутылках в руки, жадно выставленные из окошек, причем брали за поллитра воды... 100 злотых. Еще до того как поезд трогался, у каждого "милосердного" путейца было в кармане несколько тысяч злотых. <...> Стоя у окна, я помогал передавать деньги и принимать воду". Ежи Пфеффер описывает подобные же транзакции на вокзале Люблина, на пути, по которому евреев перевозили в Майданек.

⁵ Саул Фридлендер в первом томе исследований на тему евреев и нацистской Германии описывает сценку, весьма типичную для Германии того времени. На другое утро после "Хрустальной ночи" с 9 на 10 ноября 1938 г., когда власти инспирировали еврейские погромы по всей стране (название "Хрустальная ночь" происходит от того, что наутро улицы немецких городов были усыпаны осколками стекла из тысяч разбитых магазинных витрин), на рынке мозельского местечка Виттлх, возле грузовика, на котором вместе с полудюжиной избитых мужчин стоял в отчаянии резник Маркс, его жена в истерике протягивала руки к соседям, наблюдавшим всю сцену из-за закрытых окон окружающих домов. Она кричала: "Зачем вы нас так мучите? Что плохого мы вам когда-нибудь сделали?". Ее крики отозвались неожиданным эхом полвека спустя, в Гамбурге, когда после выступления Фридлендера к нему подошел молодой человек и передал привет от своей бабки, жительницы Виттлх. В ответ на удивленный взгляд докладчика молодой человек объяснил, что его бабка до войны была соседкой фрау Маркс. Как и многие другие жители, она приняла участие в разграблении "еврейского добра", и вышло так, что ей досталась подушка фрау Маркс. Теперь она держит ее на дне шкафа, полная угрызений совести, и не знает, что с ней делать.

⁶ Внук рассказчицы, Юзеф Экстович и его товарищ влезли на крышу овина, куда польские соседи до этого согнали несколько сот евреев, и облили его бензином, после чего здание было подожжено.

⁷ Вот несколько цитат из рапортов, написанных летом и осенью 1941 г.: "в ряде мест произошли погромы и даже резня евреев местным польским населением, к сожалению, вместе с немецкими солдатами"; "вступление немецких войск вызвало чудовищный террор в отношении евреев, совершаемый войсками со значительным участием местного населения". В подпольных рапортах мы также можем прочесть о занятии поляками должностей во вспомогательных полицейских подразделениях и в местной администрации: "В небольших местечках есть только *Hilfspolizei*, состоящая из бывших польских полицейских, а также местных поляков и белорусов <...>, магистраты укомплектованы преимущественно поляками"; "в настоящий момент практически все административные посты, кроме руководящих, зарезервированных для немцев, оказались в руках поляков <...>, часть молодежи фашистских убеждений и даже ряд прежних членов национально-освободительных организаций пошли на службу к немцам, формируя отряды милиции".

СЦЕНАРИСТ-ГУМОРИСТ, МОЙ КУЗЕН

Диалог в интернете

Белла КЕРДМАН

В минувшем августе меня по интернету нашел родственник-киевлянин Александр Володарский: моя убитая в петлюровском погроме бабушка Бела и его бабушка Майка были родными сестрами, а наши отцы - двоюродными братьями. Кузен напомнил: однажды его папа прислал мне, тогда корреспонденту одесской молодежной газеты, несколько его, тогда студента, "юморесок", и одну из них напечатала наша газета. Это была первая публикация Саши Володарского, ныне "известного-украинского сценариста, драматурга, писателя, получившего широкую известность в Украине и за рубежом как автор популярных юмористических произведений" (Википедия). Начинать он с текстов для популярных актеров российской эстрады. В 90-е годы был заместителем редактора газеты "Блин", первой такой в Украине. Печатался во множестве периодических изданий: "Литературная газета", "Юность", "Неделя", "Флорида" (США), "Бэсэдэр" (Израиль) и т.п. Стал лауреатом первого фестиваля "Море смеха" имени Аркадия Райкина (Рига, 1991). Тогда, между прочим, познакомился с Виктором Шендеровичем, также ставшим лауреатом. В 1993 году основал в газете "Киевские ведомости" юмористический отдел "Клуб Голохвастова" (совместно с Яном Таксиром) и был его редактором в течение 18 лет. Мой кузен - автор ряда пьес, а также книг и сценариев для мультфильмов, в том числе для фильма "Шел трамвай 9-й номер" (режиссер Степан Коваль), удостоенного приза "Серебряный медведь" на Берлинском фестивале 2002 года.

Александр Володарский. Между прочим, родители не очень одобряли мои первые занятия "писаниной". "Писал бы ты лучше диссертацию", - ворчала мама. И тут вдруг первый успех - у меня приняли сценарий для знаменитого тогда киножурнала "Фитиль". И за односторонний сценарий заплатили неслыханный гонорар - 900 рублей. В 1985 году это были большие деньги. И тут папа сказал: "Что ты сидишь?! Иди - пиши "Фитили"!"

Белла Кердман. Ты, полагаю, знаешь о наших общих предках гораздо меньше, чем я. Хотя и мне они известны не далее прадеда Айзека Лившица. Для начала по-

сылаю тебе, Саша, свой очерк о Ривке - родной тетке, с которой успела познакомиться в Израиле. Коротко перескажу его для читателей. Из большой и состоятельной семьи Мордехая Кердмана в Проскуровском погроме 19-го года уцелели только двое: старший из детей - подросток Файвиш, мой будущий отец, которого на тот момент не было дома, и самая младшая - двухмесячная Ривка. Петлюровец пырнул ее штыком в живот, но туго спеленатая девочка не истекла кровью. Сестры матери перебрались с ней в Польшу, там лечили, и в возрасте двух лет увезли в Палестину, одна из них ее удочерила. А сироте Файвишу, моему папе, не дал пропасть его родной дядя, Хаим, живший в Одессе. Ривке рассказали правду о семье, когда ей исполнилось шестнадцать. Они с Файвишем встретились в 1967 году: к тому времени мой отец вышел на пенсию и добился разрешения на визит в Израиль. И угодил в Шестидневную войну! Зато узнал о родной сестре то, о чем она не могла писать в открытках, пересылаемых в Союз через вторые-третьи руки. Ибо работала наша Ривка в министерстве иностранных дел Израиля. Была консулом в Англии сразу после образования государства, служила также в США и в Мексике. Во время Второй мировой войны вступила в еврейскую бригаду английской армии, вела амбуланс. Вышла замуж за офицера Иону Зильмана, английского еврея. В Израиле они фамилию "ивритизировали", стали Сиван. У них родилось двое детей. В 35 лет Ривка овдовела. Дожив до 93-х, она никогда не носила девичью фамилию. Сначала была Лившиц (как удочерившая ее тетка), потом Сиван (по мужу). Но вот на ее надгробье на Иерусалимском кладбище появилась табличка: "Ривка Сиван (Кердман). Участница создания государства Израиль". На иврите, разумеется.

А.В. Похоже, в 1995-м мы с папой были у Ривки. Я этого даже не понял. Только раздражался - на черта он меня куда-то потянул, если мы всего два дня в Иерусалиме? Молодой дурак! С папой они говорили на идише. А мне общаться с ней было сложно: моего английского явно не хватало. Правильно ли я понял: у нашего общего прадеда Айзека Лившица было трое детей: Белла, Хаим и Майка, моя бабушка?

Б.К. Там были еще Миля и Шошана, ко-

торые увезли Ривку в Палестину, о них я почти не знаю. Лучше всего знаю семью Хаима, который жил в Одессе. Старшей у него была Тэма, она в юности сбежала из дома с красной конницей, стала Тамарой Георгиевной, вышла замуж за Николая Зайцева, чекиста. Жила в Москве. В начале войны дядя Коля погиб. В Москве жили также сыновья Хаима: Дима (он же Митька) - ровесник и друг моего папы, и Наум, под домашнему Нунык. Это имя в нашем клане стало нарицательным: так называют того, кто не бережет деньги. Нунык не мог успокоиться, пока не истратит последнюю копейку из полученных на Хануку денежек, она ему руки жгла! Хоть "монпасейку" в лавке купит. В нашей семье "нуныком" считаюсь я. Политрук Наум Лифшиц, кадровый военный, был, по слухам, во время боя застрелен в спину каким-то антисемитом. В Одессе вместе с Хаимом и его женой жила семья их дочери Муни (Мирьям). Она работала бухгалтером в газете Одесского военного округа, оставила город вместе с оборонявшимися его войсками, попала в Севастополь и там погибла. Дядя Хаим отказался эвакуироваться, верил в "интеллигентность" немцев, и был убит, как почти все одесские евреи. С потомками Майки, твоей бабушки, у нашей семьи была постоянная связь. Почти со всеми. О них ты больше знаешь, так что тебе слово, Саша.

А.В. Да, большие в те времена были семьи, запутаться в них - это в два счета. Но попробуем. Бабушка Майка умерла, когда моему папе Ефиму, ровеснику революции, было два года. У Майки было четверо сыновей: Митя, Сема, Шуня и Фима. Дядя Митя был режиссером еврейского театра в Харькове, в конце 30-х годов окончил киноакадемию в Москве и стал кинорежиссером. Последние годы перед пенсией он был главным режиссером творческого объединения "Экран" и снимал документальные фильмы. Я видел его фильм о знаменитом Королеве - "Главный конструктор", 1973 год, т/о "Экран". Я часто приезжал к дяде Мите в Москву, он живо интересовался моими делами, поддерживал меня всячески. Помню, дядя Митя рассказывал, что однажды погромщики ворвались в их дом в Белой Церкви. Их было двое. И тут один остановил другого и спросил деду: "Ты ж Володарский? А мэнэ пам'ятаеш?" - "Не-ет", - испуганно промямлил дед. "Ну й нэ трэба! Пишли, Миколо, тут порядку людина живэ!". И они ушли, никого и ни-

чего не тронул. Сын его, Сева окончил МГУ, историк и искусствовед. Был ученым секретарем Третьяковки, ему 82 года, преподает в МГУ и РГДГУ. Один из крупнейших в мире специалистов по средним векам, эпохе Возрождения. Мы иногда перезваниваемся.

Б.К. Дядя Митя Володарский бывал у нас в Одессе. Я видела его документальный фильм о целине. Он рассказывал, что в одном доме там увидел диковинную мебель: сплошь покрытую зеленоватым перламутром. А подошел поближе - оказалось, это такие особенные мухи обсекали все плоскости. И еще запомнила из его рассказов, как они снимали "леса" по сталинской программе преобразования природы: оператор с камерой ложился на землю - так саженцы получались выше... Продолжай, пожалуйста, Саша.

А.В. Дядя Сема, Семен Израилевич Володарский работал на крупном военном заводе в Днепропетровске. Был экономистом. Когда-то опубликовал в "Литературке" нашумевшую статью: "По инструкции или по совести", которую обсуждала вся страна. Его сын Марк жил и работал в Днепре инженером. Его уже нет. А дочь Лена - одесситка. Работала в паромном хозяйстве. Шуня Володарский, профессиональный военный, окончил войну майором. На войне был контужен, что отложило отпечаток на всю его жизнь. Он был человеком странным и нелюдимым.

Овдовев, дедушка Срулик (Сруль-Лейб Шулемович) Володарский, муж бабушки Майки, с четырьмя пацанами на руках женился снова. Не сразу удалось найти женщину, которая согласилась бы "пойти на четыре бандита" - так это тогда котирировалось. Но вот одна, по имени Хана, согласилась. И у них родилась моя тетя Адель.

Б.К. Статью экономиста Семена Володарского, наделавшую шум на всю страну, хорошо помню. Я тогда не сразу поняла, что это наш скромный дядя Сема. А об Адели Володарской я писала в одной из русских газет Израиля. Для меня существование ее, сестры братьев Володарских, было открытием! По подсказке приятельницы твоих родителей нашла ее в Хайфе. Вернее, нашла их: она приехала в Израиль вместе с мужем, Анатолием Нужей, как мне сказали, кубанским казаком.

В отличие от братьев, девочка высшего образования не получила, окончила бухгалтерские курсы. Зато была на фронте, осваивала целину, там вышла замуж за чуба-

Дедушка Срулик и внуки: слева - Сева (Митин сын), стоит мой родной брат Гарик, в центре маленький я, август 1956

Четыре брата Володарских. Слева направо сидят: мой папа - Фима, Сема, Митя. Стоит Шуня, 1981 год

А это я с Шендеровичем, старым другом - с апреля 1992 года, с "Кубка Райкина"

того станичника Анатолия Нужу. Еврейская родня полагала, что это ненадолго, однако, при нашей встрече в Хайфе в 1999-м, их браку было уже более 40 лет! И маленькая, округлых форм женщина и все еще высокий и статный мужчина ходили по улицам не иначе, как "за ручку". Толя тогда уточнил: он не казак, просто из крестьян.

В конце 42-го, "потеряв" метрику, Адель прибила себе годы и пошла на фронт. "Все шли, и я пошла", - рассказывала. Девчонку определили на радиолокационную установку. Форму ей пошили из офицерского материала, обувь тоже пришлось делать на заказ: 34-го размера. Показав, что как включать, старший сказал: "Теперь кричи: Воздух! Квадрат...!". Адель повторила, но никто не шелухнулся - голос был пилотам незнаком. Она заорала команду во весь голос и добавила: "Дежурная Володарская, новенькая". В тот вылет были сбиты шесть вражеских самолетов - новенькая принесла удачу!

Я спросила, приходилось ли ей стрелять. Только один раз, сказала, когда она застала своего офицера, передающего по радиации координаты установки немцам. Выстрелила предателю в висок из трофейного дамского пистолета, подаренного ребятами, и сама чуть не умерла от страха. Полковник за ликвидацию вражеского агента получил орден Красной звезды, а рядовая Володарская - медаль "За боевые заслуги".

А.В. Я не знал об этом эпизоде фронтовой биографии тети Адели, увы, уже покойной. Ее муж Толя до недавнего времени был жив, мы общались по телефону. Сейчас проверю. Расскажу одну историю об этой паре. Они долго не имели своей квартиры, и, наконец, переехав в Белую Церковь, получили "однушку" от завода, на первом этаже, и были счастливы. Однажды Аделя позвонила моему папе: "Фима, представляешь, только что приходили из райисполкома и предложили мне двухкомнатную квартиру в новом доме для участников войны!". Папа обрадовался, поздравил и тут услышал: "Но я отказалась. Зачем? Нам с Толей и здесь хорошо!".

Б.К. Я помню твоих родителей. Когда мы получили трехкомнатную квартиру, папа на радостях, что ушли из коммуналки, позвал в гости родню. Тут же приехали Фима с Нюрой из Киева. А в доме еще не было газа, много разных недоделок. Дядя Фима тут же подключился к работе, стал мне помогать (мой папа-инженер гвоздя забить не умел), а тетя Нюра на электроплитке умудрялась готовить какой-то быстрый и вкусный суп. "Нюрин суп" потом вошел в наше меню, а сейчас я не могу вспомнить тот рецепт. Ты его не знаешь? И еще вспоминается: дядя Фима рассказывал смешной вариант "Песни о вещем Олеге" на идише - про "Олега мыд вещис" - с вещами.

А.В. Про суп не помню. Но мама всегда готовила быстро - у нее не было выхода: в доме три мужика, а она часто на двух работах - школа обычная и еще вечерняя. Нас у родителей двое: я и старший брат Гарик, инженер, с 1995 года живет в Германии. Я окончил МВТУ им. Баумана, работал инженером, затем окончил Высшие театральные курсы при ГИТИСе, и с 1988 года стал профессиональным литератором. Много и успешно работал для эстрады: мои миниатюры исполняли Мария Миронова, Винокур, Новикова, Хазанов, Петросян и даже Юрий Куклачев. Автор трех книг. Сейчас круг моих интересов - кино и театр. Писал сценарии сериалов, автор 7 пьес. Спектакли по пьесам идут в Молдавии, Украине, США.

Не знаю, любишь ли ты пьесы - хотелось бы выслать ту, что как-то пошла и ставится уже довольно много. И скоро премьера в Одесском русском театре. Это смешная и немного грустная комедия

"Селфи со склерозом". Ее героиня - реальная женщина, моя мачеха (папа после смерти мамы женился и прожил с ней двенадцать лет). Нынче ей 91, и у нее классический склероз: не помнит, что было пять минут назад, но прекрасно помнит события 50-летней давности. Как-то прихожу к ней и, как обычно, называю число. "Первое декабря! - восклицает она, - так это же день памяти Кирова!". Дома смотрю гугл - точно, 1 декабря 1934 года убили Кирова!

Б.К. Я, между прочим, люблю пьесы как чтение. У меня в Одессе была целая полка пьес - от Шекспира до какого-то африканца. В Москве был (возможно, и есть) театральный магазин, я туда заглядывала во время командировок. Там даже Ануя и Олби удалось купить, не говоря уж о Брехте, которого люблю и смотрела, где только можно было. В том числе в Одесском украинском театре, где неплохо поставили "Трехгрошовую оперу". Так что присылай свою пьесу.

Пара назревших вопросов. Ты перестал писать миниатюры для московской эстрады в связи с аннексией Крыма или так сошло во времени? И расскажи, наконец, о своей личной семье - жене, детях.

А.В. Для российских не пишу давно. Закончилось это еще до событий, просто я из эстрады вырос. Многие, например, Григорий Горин, начинали как авторы-юмористы, а дальше шли другим путем. Мне сейчас такая эстрада, "петросяновская" не интересна. Театр и кино значительно интересней. И рассказы пишу такие, какие могу читать сам, а актеры их читать не станут. Я раньше выступал много, нынче - реже, но выступать люблю и умею!

У меня самая обычная семья. Первый раз женился на пятом курсе. Банальная история раннего брака. Прожили шесть с половиной лет. Развелись. Сын Дима живет в Киеве. У него трое детей. Старшая - Полина, ей на днях исполнилось восемнадцать. Она заканчивает школу в Израиле по программе "Нооле" в Нетании (не уверен, правильно ли пишу). Думаю, что в Израиле она пойдет в армию, а потом будет учиться. Я женат вторым браком уже 28 лет. Жена Аня, по образованию архитектор, ей недавно исполнилось пятьдесят пять. Нынче она домохозяйка, помогает мне. Дочь Ася, двадцати пяти лет, филолог (русская и английская филология), работает в рекламной компании, не замужем. Сейчас у меня в гостях Гарик, мой старший брат. Ему семьдесят четыре года, он вдовец. Каждый год приезжает и подолгу гостит. В Киеве живут его сын и внуки. Я уже пенсионер, но постоянно работаю: кино, драматургия. И халтура, за которую платят, ибо другое - или да, или нет.

Прилагаю три фотографии, которых у тебя, наверное, нет.

Б.К. Пьеса мне понравилась. Читая, почему-то представляла в главной роли Ахеджакову. А программа, которую проходит в Израиле твоя внучка, называется НААЛЕ. Правительство Израиля и Еврейское агентство предоставляют школьникам, имеющим право на репатриацию, возможность завершить в Израиле среднее образование и получить израильский аттестат зрелости, признаваемый всеми вузами мира. Ее суть: сначала дети, затем родители. То есть со Страной знакомятся еврейские дети из диаспоры. Случается, и довольно часто (неохота искать средний процент), что они, отслужив здесь в армии, выбирают Израиль на жительство. И тогда многие родители тоже принимают такое решение. Ну, если нет - так нет, никакого давления на людей не оказывают.

Однако же на всякий случай будь готов к тому, что у тебя в Израиле появятся более близкие родственники, чем я, - внучка родной сестры твоей бабушки Майки.

А за фото - спасибо.

ЗА ПАРУ МИНУТ ДО СИРЕНЫ

Рав Ури СУПЕРФИН

За пару минут до сирены я встал чуть поодаль от входа. Не хотел видеть, как будут продолжать некоторые деловито сновать, а вокруг стоят молча, опустив голову, и ты, вместо того, чтобы эти две минуты подумать об ушедших, будешь сдержанно негодовать и сам на себя злиться, что негодуешь, потому что, ну, не из такого уж чистого источника это возмущение, положила руку на сердце.

В общем, встал, держась за прутья ограды, и солнцезащитные очки нацепил. Почему-то именно в эти минуты глаза слезятся. Видимо, от солнца.

Сирена прямо у нас на крыше, так что есть в ее звуке какое-то физически ощутимое воздействие; звук громкий, проникает в самое нутро и вибрирует там. И мы стоим, как в детской игре "замри!", только ощущения совсем не те, что в игре. В самом этом акте, конечно же, есть что-то искусственное: только что все шумело, двигалось и жило, и вдруг - людские изваяния, жертвы медузы Горгоны из древнего эпоса. Поэтому те, кто продолжают ходить, неправы вдвойне: они добавляют смятения таким, как я, и мешают сосредоточиться.

И тут по ступеням лестницы поднялся, с одышкой и многочисленными пакетами в руках, он. Один из тех, кому достаточно шапочного знакомства, чтобы делиться с тобою сокровенным; один из таких, у кого что на уме, то сразу и на языке. И ладно бы еще на уме, а то ведь порой и происходящее в мозжечке спешат озвучить.

Он остановился подле моей неподвижной фигуры, и сначала я оценил его жест, жест человека, достаточно тактичного, чтобы потерять минуту, но не послужить источником досады для другого. Но беглый взгляд показал, что, нет, он стоит, просто выжидая, пока отстою я, чтобы, по своему обыкновению, что-нибудь озвучить из сиюминутных размышлений своего беспокойного ума.

Сирена перестала терзать, стихла, и, как и ожидалось, он заговорил.

- А знаешь, почему у вас, ашкеназов, все время было вот такое? Крестовые подходы, Хмельницкий, Гитлер? (Наименования он щедро пересыпал проклятиями называемым).

- А ты-то сам знаешь? - ответил я в нашей типичной манере пропускать очевидное.

Мой вопрос его не смутил; он вообще никогда не смущался:

- Представь себе, знаю! Вы слишком много думаете, вот что! - при виде моего растерянного от подобного "обвинения" взгляда он победно улыбнулся: и вера у вас сложная, с кучей подробностей, а уж о Торе ашкеназов я вообще молчу; все с таким подвывертом, что простому человеку и не понять. А где просто любовь?! Он нам еду дает, деньги дает, воздух...жену, детей, а вы берете лупу и начинаете копать, чего это Он нам прислал? а как нам надо к этому относиться? А Он от нас простого чувства ждет. Пусть ненависти, но - прямой. Без этих ваших... А лучше любви, конечно.

Он сделал паузу. Над нами низко пролетели два истребителя, я молчал.

- Ну, прав я или нет?

- Знаешь, - сказал я ему, подумав, - мой прадед партизанил в белорусских лесах, и после войны порой на него находило, и он запирался в ванной. "Фашисты идут!" - кричал. Он слышал, как овчарки лают, как затворы щелкают. Однажды сбежал от голосов в Саратов аж из Луцка... Но по утрам он молился на кухне, закутавшись в пожелтевший от времени талит. Разве это не любовь?

Теперь молчал он, и это было очень нетипично для этой беспокойной натуры.

Мы молча разошлись, думая каждый о своем.

Лев и Гитель ВАЙНЕРЫ,

Кирьят-Ям

"ТОЛЬКО ТЫ"

Гитель и Лев Вайнеры - старые наши (с 2012 года) авторы. Тогда мы опубликовали их статью о родителях. Сегодня - новая статья о них самих, о юности и любви

Наше поколение - дети войны. Мы жили в Украине, город Винница. Нам не было и семи лет, когда началась война. Нашим родителям мы бесконечно благодарны. Будучи еще молодыми, они приняли правильное решение: надо уезжать и спасать своих детей и себя.

Немцы почти подходили к городу. Были слышны отголоски взрывов, на темном небе сполохи, гудение самолетов.

Была ночь, а мы бежали к вокзалу. Папа взял нас за руки. Мама с какими-то вещами шла сзади. На вокзале уже не было пассажирских поездов. Были грузовые. И нас с братом забросили в открытый вагон, полный угля. Как-то мы сумели там разместиться. Через некоторое время поезд тронулся. Нам еще повезло. Трудно было найти спокойное, безопасное место. Казалось, нас постоянно догоняют, а мы должны удирать. Прошло довольно много времени, и все же мы добрались до тихого места. Это был далекий Узбекистан, город Фергана. Именно здесь мне, ребенку, снился сон, который и расскажет, о чем мы думали, что хотели.

...Я иду по широкой улице. Очень чистый и светлый тротуар. Людей не было. На тротуаре стоял большой мешок, он не был завязан, опечатан, просто прикрыт мешковиной. Я подошла и открыла его. В нем лежали буханки хлеба, их было много. Мне уже 84 года, но я помню и буду помнить всегда этот незабываемый сон.

20 марта 1944 года освободили наш город, а вскоре и всю нашу Украину. Мы собирались возвращаться домой. Где-то в сентябре или в октябре мы приехали в Винницу. Нам выделили комнату, в которой кроме печки ничего не было. Вода была на улице, туалет на улице. В этой комнате жили три поколения нашей семьи - 10 человек. Жили в тесноте, да не в обиде.

Этот дом имел две особенности: первое - он был в центре города, стоял на главной улице Ленина; а вторая особенность - примечательная! - именно из этого дома 9 мая 1945 года мы все выбежали, почти ночью, потому что по громкоговорителю сообщали: война закончилась!

Победа! Стояла пушка, стреляла, ракеты взрывались. Небо было в разноцветных огнях. Люди сбегались к этому месту, обнимались, целовались, плакали. Взрывы, а страх исчез. И нам было тоже радостно.

Вот так мы встретили первый День Победы!

В 1947 году мы получили двухкомнатную квартиру на улице 9 января. Там стояли несколько домов, образуя довольно большой уютный двор. И в одном из этих домов жил Лев. Вот такая у нас дата знакомства друг с другом - 71 год.

Не было у нас любви с первого взгляда. Мы были еще детьми. Ходили в школу, учились. В свободное время собирались в нашем дворе. Было много ребят, девочек. В одном из углов двора всегда лежали очищенные от веток и сучков бревна, которые потом превращались в дрова. Там, на бревнах, мы любили сидеть, разговаривать, слушать друг друга, общаться, чему-то смеяться, любя и играть в волейбол.

В нашем дворе самым знающим матема-

тику был Лев. Я часто обращалась к нему за помощью. Благодаря ему я приходила в школу с выполненными домашними заданиями по арифметике, алгебре, геометрии и физике. Большое ему спасибо. Был он еще активным учеником танцевального кружка во Дворце пионеров. В то время исполнялись только народные танцы и вальсы.

Приближались холода. Исчезло наше "сиденье" - расколото было на дрова. У каждого хозяина квартиры был сарай. Наш отец тоже прислал мастера, чтобы построить сарай. Я попросила папу, я хотела, чтобы построили небольшое окошко. Папа меня любил и выполнил мою просьбу. В сарае пахло свежими досками, блестело окно. Один из углов я обклеила газетами, поставила стул и столик, рядом окно. Я любила читать. Мне было хорошо и уютно. Очень хотелось, чтобы Лев зашел. Да, он зашел, но только домой. Мой отец сидел за столом и смотрел альбом с фотографиями.

Было это перед каким-то праздником, мама пошла себе новое платье и шляпку. Папа предложил запечатлеть себя в новом наряде, и мы пошли в фотоателье. Когда мама вышла из кабины, папа велел мне надеть мамин наряд и тоже сфотографироваться. Когда Лев зашел к нам, папа мой только вернулся с новыми снимками. Вытащил из конверта фотографии мамы и положил в альбом. Мою фотографию увидел и говорит: "Вот какая ты! Можно уже и замуж выдавать". А Лев посмотрел, услышал и заявил: "Я буду ее мужем!". Ситуация курьезная. Мы-то были учениками 5-го или 6-го класса. А я думаю, что судьба притаилась в папиных словах и в словах Лева. И решила дождаться своего часа.

Был еще один момент, приятный для меня. Лев подошел к моему брату и сказал ему: "Мне нравится твоя сестра", на что мой брат посоветовал: "Вот и скажи ей об этом сам". О! Если бы он это сказал! И был же у меня такой уютный уголок в нашем сарае. Как

много он потерял, что не осмелился зайти!

Прошла зима, холодная, снежная. Лев хорошо катался на лыжах. Наша улица была довольно гористая. Поднимайся и спускайся сколько угодно. Не было тогда много машин. А я любила читать. Печь обогревала сразу две комнаты. Сидела на низкой скамейке, прикасаясь спиной к теплой стене. Как было хорошо!

Останемся еще в зиме. Хочу рассказать об одном предновогоднем вечере в нашей женской школе №18.

Девочки готовились, хотелось выглядеть интересно. Была елка, играла музыка, все веселились. А танцевать с кем? Партнеров не было. Это результат раздельного обучения? Чья злая душа придумала эту систему?

Узнав, что предстоит почти карнавал, мой отец придумал для меня костюм. Он сделал из меня лондонского денди.

Сам пошел из картона высокий котелок (шляпу), покрасил в черный цвет, сделал небольшие поля.

Я надела брюки, рубашку галстук, пиджак не застегивался, округленные борты, большие плечи, цвет - серебристо-серый. Никогда я не имела такого большого успеха, такой востребованности. Чуть ли не очередь стояла, чтобы потанцевать с денди. Смешно, но именно так и было.

Вскоре зима ушла. На смену пришла весна. Наш любимый двор (для меня это был институт общения) приходил в себя. Снова в углу лежали завезенные бревна, восстановилось наше "место сидения", где мы общались, что-то рассказывали, над чем-то смеялись, что-то вспоминали. Кому-то симпатизировали, может быть, даже влюблялись. Например, я. Как это произошло - сейчас признаюсь.

Был прекрасный весенний день. Небо было облачное, ярко-голубое, светило солнце. Мы решили поиграть в волейбол. Образовался большой круг. Я стояла против Лева. Началась игра. Я видела, как Лев вы-

прямился, поднял руки, голову, раскрыл глаза. И я тоже посмотрела вверх. И вдруг мне показалось, что от неба отделяются два осколка - они остались в глазах Лева, а его светлые слегка вьющиеся волосы, золотило солнце. Увидела его в ореоле золота и голубизны, что-то кольнуло в сердце, и я сказала себе: "Да я же его люблю, люблю!". Есть, есть стрела Амура, на себе почувствовала это. В себе держала свои чувства. Ничего не изменилось. Мы проводили время во дворе. Продолжали сидеть на бревнах. Если везло, сидели рядом. У Лева была нелегкая жизнь. Он жил и воспитывался в семье сестры его матери. У них не было своих детей. Он был их сыном и помощником. Часто она выходила на балкон и звала его домой. Он покорно шел, а я сердилась и каждый раз повторяла: ну, не даст человеку отдохнуть! Так не хотелось его ухода, он никогда не возвращался.

По прошествии каких-то лет я с благодарностью ее вспоминала. Он был и остается сознательным мужчиной и мужем. Дом ему не был чужд. Всегда можно было надеяться на его помощь. Спасибо тебе, Лева.

Прошло время, мы закончили семилетку. Лев поступил в энерготехникум. Меня перевели в другую школу, где я закончила восьмой, девятый, десятый классы и получила аттестат зрелости. А Лева не дали закончить техникум, вот срочно им надо было сорвать с занятий и отправить служить родине. Бесчеловечные законы были у нашего государства.

Я сидела в своем уютном уголке, хотя и в сарае, видела его в окошке, проходившего мимо, видно, был озабочен. Я же так хотела с ним попрощаться перед уходом в армию. Неужели стрела Амура не нашла его сердце?

Через несколько месяцев я получила от него письмо. В нем не было лирики, которую я так ждала. В письме был сплошной патриотизм: "Ты и твоя семья могут спать спокойно. Я стою на страже границы".

А я в эти три года закончила десять классов. И с помощью своего дедушки (отца моего отца), ставшего, к сожалению, вдовцом. Не могу не вспомнить свою родную бабушку - она была добрая, заботливая, любила нас. Мне подарила красивые ручные часыки. Я ими очень гордилась. И всегда она подкармливала нас, когда мы приходили. Не было в то время деликатесов. Она давала кусочки черного хлеба и полстакана вкусного, жидкого, кисленького еврейского салата.

Дедушка женился на харьковчанке. Вот каким образом я оказалась в Харькове. Там был фармацевтический институт, куда я пыталась поступить. Не так уж плохо я сдала экзамены. И Сталина уже не было, но жило его "правое дело". И мой "пятый пункт" стал препятствием. Когда мой отец, приехавший за мной, зашел к директору института, тот ему сказал: "Приезжайте в следующем году, все будет хорошо".

Приехать больше не получилось. И я в нашем городе поступила в Академию Лойфермана. Если это прочтут винничане, будут смеяться. Ну, конечно, не было никакой Академии. Это было медицинское училище (тогда называли техникум) и директором был доктор Лойферман, лучший детский врач в нашем городе и даже в области.

Почти три года я занималась, по окончании меня вызвали в комиссию по распределению, где я очень патриотично ответила:

"Куда пошлют, туда и поеду". Но был у меня дядя Борис, который уже много лет играл в карты с главным врачом роддома №1. И в сентябре 1956 года я начала работать в нем медсестрой.

К тому времени Лева уже вернулся из армии, успел закончить энерготехникум. Также устроился на работу. Приходилось часто бывать в командировках.

Мы встречались, по-прежнему были соседями и любили друг друга. Но однажды произошла ссора между нами. Если я расскажу о причине ссоры, все приблизится к сегодняшнему времени, очень даже близко.

Да, это было сексуальное домогательство. Но наше поколение хорошо помнит "прямой эфир", "телемост" между СССР и Штатами, где "существо" женского пола (по-другому назвать ее не могу) на весь мир заявило: "В СССР секса нет!". И между нами ничего не было. Нет, мы не искали какой-то замены. Мы хотели только друг друга.

А наша железобетонная ментальность мешала нам ускорить наше примирение.

Однажды я шла на ночное дежурство и в переулке, который я должна была пройти, чтобы попасть в роддом, встретила Леву. Он с работы возвращался домой. Боже, как мне хотелось, чтобы он подошел, обнял меня, поцеловал. Переулок был глухой, располагал, может быть, просил его поступить так. Но он прошел, как чужой. Разве это было разумно?! Во мне кипела буря чувств. Может быть, это я должна была подойти? Я пришла на дежурство, и в эту ночь я была самой дисциплинированной медсестрой. Мне не хотелось даже присесть, закрыть глаза на какую-то минуту. Встреча меня так взвинула. Утром я шла домой очень расстроенной.

Прошло еще немало времени, чтобы созреть и помириться. Нам помогла наша тетя Соня. Нет, нет, она не одесситка. Она была родной сестрой моего отца. У нее было хобби - кого-то с кем-то помирить. В один из вечеров она шла к нам в гости. Встретила Леву, сумела изменить его маршрут, уговорить пойти с ней, растопила его сердце. Его при-

ход нас очень обрадовал. И всем было хорошо!

Прошло какое-то время, мы слевой от куда-то возвращались домой. Был вечер. Мы подошли к нашей лестнице. Я поднялась на одну ступеньку, а Лева остался стоять, и руки его были на перилах.

И вдруг он крепко стукнул рукой по перилам и сказал: "Ты будешь моей женой!". Вопросы не было. Был приказ! Боже, какой удивительный приказ, долгожданный и очень желанный. Приказы положено выполнять. И я была готова выполнить "здесь и сейчас" (шутка).

Мы попрощались слевой. Он пошел домой. Я поднялась по лестнице и зашла в квартиру. Дома были родители, я им все рассказала.

Мой отец был с хорошим вкусом во всем. Нет, он не будет снимать какую-то захудалую столовую или нищий клуб, чтобы отметить свадьбу. На то время лучшим рестораном в нашем городе был ресторан "Украина", а здание, в котором помещался ресторан, было в центре города и очень красивое по архитектуре, настолько, что даже немцы не позволили себе разрушить его.

Было у нас с отцом еще одно желание: соблюсти еврейскую традицию. Она заключалась вот в чем: в ресторане все столы ставят буквой "П". Гости проходят и садятся. Когда уже все на месте, входит небольшой оркестр - ансамбль музыкантов во главе с главным скрипачом (он был очень талантливый, известный в городе). Одному из музыкантов был дан список гостей. Он читает фамилии, люди встают, их благодарят за приход и в их честь играют часть какой-то красивой еврейской мелодии. Да, это занимает довольно много времени. Ни один гость не может быть пропущен. Мне кажется, более уважительной традиции нет ни на одной другой свадьбе. И так было у нас 21 июня 1958 года.

Мы прожили с родителями пять лет. За это время у нас родилась прекрасная дочка. Все ее любили, помогали нам, и мы продол-

жали работать. Лева очень много работал, был в командировках. Я уходила на ночные дежурства. Спасибо моим родителям, да, им было нелегко. Но был в нашей семье мир, и было согласие.

А в 1964 году Лева получил квартиру в новом доме жилого массива "Вишенка". Двухкомнатная квартира (хрущевка). Мы были довольны.

Когда я думала, что надо уходить от родителей, жить отдельно, почему-то считала, что первое, что надо взять с собой, - это соль. Смешно вспомнить, но такая мысль вертелась в моей голове.

Мы обустроились, стало уютно, а с кухни шел запах свежего домашнего печенья, ваза всегда стояла на столе.

Лева решил получить высшее образование. Он большой труженик во всем, поступил на вечернее отделение политехнического института.

Мне тоже захотелось изменить режим своей работы. Я написала заявление с просьбой об увольнении. И с этим листом зашла в кабинет главного врача (я должна назвать его - это был Степанковский Адольф Анатольевич). Почему я помню его, сейчас узнаете. Да, я зашла и положила на стол свое заявление. Он прочел и сказал мне: "Какой бы я был главный врач и какой бы я был мужчина, если бы отпустил тебя?" Для меня это был незабываемый комплимент. Разве не так?

Меня перевели работать в женскую консультацию, в процедурный кабинет. Появилось больше времени быть с семьей, с дочкой. Воскресенье тоже было для меня выходным днем. А праздники можно было проводить с друзьями, и к себе домой их позвать. А для любви все ночи были наши. Как хорошо любить и быть любимой!

8 апреля 1990 года мы приехали в Израиль. Работали, купили квартиру, рассчитались с банком. Были на нескольких экскурсиях по Израилу. Поехали в Париж и Лондон. Были в Нью-Йорке, Вашингтоне, Бостоне и Лас-Вегасе.

В 2006 году мы поехали в Украину, в Винницу, наш родной город. Первым делом мы посетили кладбище, где покоятся наши предки. Слез не было, но что-то осталось в душе, какое-то удовлетворение, необыкновенное, не проходящее долгое время. Как правильно мы поступили, приехав издалека. И, конечно, мы отыскали наш двор, который мы когда-то боготворили. Слевой мы познакомились там, общались там, дружили, потом и влюбились. И когда поженились, целую пятилетку жили в этом дворе. Никогда не думали, что увидим такое запустение. Это было безобразие самой власти. Два дома, в которых мы когда-то жили, были превращены в мусорное кладбище. И дерево, которое проросло в наружной деревянной лестнице, было полудикая груша. Только встреча с друзьями подняла наше настроение.

В номере гостиницы, где мы жили, я собрала своих сотрудниц. Вручила им подарки, угостила хумусом (им понравилось). Мы приятно посидели, было что вспомнить и рассказать.

Я не забыла, что мое сочинение называется "Только ты". Поэтому закончу маленьким одноименным стихотворением Бориса Рацера:

*Чем меньше жить,
Как это ни печально,
Тем больше благодарна я
Судьбе
За то, что привела меня к тебе,
И что к другим
Не уехала случайно.*

P.S. Прочитав мамино письмо в редакцию вашей газеты, хочу добавить два слова о папе и от себя.

Мой папочка - замечательный человек! Последние четыре года здоровье моей мамы, увы, пошатнулось, и все заботы легли на плечи. Но жалоб нет, ведь он герой, он преданный мамин герой. И с ним надежно стариться...

Маргарита

Энциклопедическое издание "Носящие вымышленное имя" посвящено неординарным выдающимся евреям. По разным причинам они взяли себе псевдонимы, приобрели известность благодаря своей созидательной творческой деятельности и стали частью не только еврейской истории и культуры. Многие евреи, которых мы знаем под псевдонимами, вписаны золотом в историю страны, где они проживали. Знаменитые писатели, музыканты, художники, ученые внесли огромный вклад в развитие культуры всего человечества. Основатель хасидизма Баал-Шем-Тов, политик Давид Бен-Гурион, деятели культуры: Шолом-Алейхем, Джордж Гершвин, Гарри Гудини, Кирк Дуглас, Илья Ильф, Фаина Раневская, Марк Бернес - энциклопедия освещает жизнь и деятельность почти 1000 личностей.

Авторы-составители этой замечательной книги - Л.А.Киржнер, И.Л.Киржнер. Ее выпустило в двух томах московское издательство "Книжники" в 2016 году. Нельзя не отметить высокое полиграфическое качество издания, снабжение его мощным справочным аппаратом и, конечно, прекрасную работу художника.

Мы публикуем отрывки из книги, посвященные тем или иным персоналиям.

ГЕРШВИН ДЖОРДЖ

Гершович Янкель (1898-1937)

(Нью-Йорк, США - Голливуд, шт. Калифорния, США)
Композитор.

Родился в семье эмигрантов из России. Его отец был родом из Санкт-Петербурга. Янкель был вторым из четырех детей. В 12 лет начал самостоятельно учиться играть на фортепиано, в 14 - окончил школу, в 15 - написал свою первую песню, а в 19 - стал автором популярных песен, которые распевал весь Нью-Йорк.

Став прославленным композитором, Гершвин не переставал учиться, совершенствовать свою технику. В 1914 г. он начал профессионально заниматься музыкой. Работая аккомпаниатором в музыкальном издательстве Д.Ремика, занимаясь фортепиано, гармонией и оркестровкой, подрабатывал пианистом в ресторанах.

В 1918-1919 гг. на Бродвее появилось много произведений композитора: песня Swanee вошла в шоу Э.Джолсона "Синдбад" и имела ошеломляющий успех. Джолсон многократно записывал ее на пластинки, исполнил в нескольких фильмах. А постановка La, La Lucille (1919) полностью основана на сочинениях Джорджа Гершвина.

В 1920-1924 гг. он создал несколько десятков произведений, в том числе оперу - Blue Monday (135-th Street), после премьеры которой был приглашен композитором в джаз-бэнд П.Уайтмена, для которого сочинил "Рапсодию в блюзовых тонах", ставшую жемчужиной его творчества и превратившую джаз в музыку, исполняемую в больших концертных залах.

В 1924 г. Гершвин создал мюзикл "Будьте добродетельны (достойны), леди!", ставший первым настоящим успехом композитора на Бродвее. В этой постановке Джордж впервые

работал со своим братом Айрой, который писал все тексты. Следующее десятилетие этот творческий союз был самым продуктивным и востребованным на Бродвее. Самое удачное их шоу - "О тебе я пою" (1931). За него братья получили Пулитцеровскую премию (1932), впервые присужденную музыкальной постановке.

Самой масштабной работой в творчестве Гершвина стала опера "Порги и Бесс" (1935) о чернокожих жителях Юга, поставленная по роману Д.Хейворда, написавшего либретто оперы. В ней были использованы элементы афро-американского музыкального фольклора и джаза. Композитор переезжает в Голливуд, много работает над музыкой к новым фильмам.

В 1937 г. у Гершвина обнаружили симптомы опухоли головного мозга и поместили в клинику "Седарс Синай", где он умер, не приходя в сознание после операции по удалению опухоли.

Он навсегда стал символом музыки простых американцев. Известный писатель Дж.О'Хара был потрясен известием о смерти Гершвина и написал: "Джордж Гершвин умер... но я не обязан верить этому, если не хочу..." В 1945 г. вышел фильм "Рапсодия в блюзовых тонах", посвященный композитору. В 1985 г. братья Гершвины были награждены Золотой медалью Конгресса. Образ композитора был также воссоздан в приключенческом телесериале 1992-1993 гг. "Хроники молодого Индианы Джонса". В Нью-Йорке существует театр Гершвина.

МАЗАЛЬ ТОВ, ГРЕГОРИ ФРИДБЕРГ!

26 октября 2018 года члену Союза писателей Израиля, профессиональному фотографу, общественному деятелю и подвижнику еврейской культуры Грегори Фридбергу исполнилось 75 лет.

Предлагаем вниманию читателей несколько эссе юбиляра и его талантливые фотоработы

Мои дорогие Анна Гузик и Михаил Хумыш

В другие страны приезжают, прилетают, а в Израиль - поднимаются.

Я "взлетел" в Израиль осенью 1979 года, с женой Лидой и двумя сыновьями. Мы попали в Центр абсорбции в Рамат-Авиве - "Бейт Бродецки" ("Дом Бродецкого"). В Центре жили в основном репатрианты из Западной Европы и США. Мы попали туда, сказав, что в Тель-Авиве живут наши друзья. Это было правдой. Но никто и не собирался нас проверять, хотя, как мы потом убедились, из Советского Союза туда поселяли, большей частью отказников, узников Сиона, были даже участники самолетного дела - братья Вульф и Израиль Залмансоны, Гиллель Бутман, Арье Ханох и др.

Именно там мы познакомились с москвичкой Галей Абрамовой, племянницей известной еврейской актрисы Анны Гузик. Закончив учебу в ульпане, Галя уехала в Хайфу, ее приняли на работу в библиотеку Хайфского университета.

Я же подружился и с Анной Гузик, но как-то особенно тесно мы сошлись с ее мужем, художником Михаилом Хумышем. Я с радостью навещал их. До этого знакомства я только слышал имя Анны Гузик, как и имена Михаила Александровича, Нехамы Лифшиц, Эмиля Горовца, Сиди Таль. Это был мир идиша, мир наших родителей, у кого они вообще остались живы после Второй мировой войны... Многие еврейские дети моего послевоенного времени этот язык уже вообще не слышали...

С другой стороны, известно, что для еврейских литераторов, артистов и певцов особым счастьем считались гастроли именно в прибалтийские республики, потому что тамошние евреи, опять же, те, кому посчастливилось остаться в живых, прекрасно знали и идиш, и культуру на этом языке, на мамэ-лошн.

Михаил рассказал мне историю его "преображения" из российского художника в израильского - он с самого начала стал рисо-

Грегори Фридберг

вать в современном, как ему казалось, модернистском, абстракционистском стиле. Ведь он уехал из Советского Союза, а это значит - вырвался на свободу и может позволить себе все, что запрещалось раньше, на старой родине.

Его приняли в Союз израильских художников, с несколькими художниками он подружился, бывал у них дома, а также приглашал их к себе.

Однажды несколько новых товарищей, увидев много картин, накрытых пледами и пластиковыми пакетами в коридоре, прямо у входа, попросили показать их. Михаил стал отнекиваться, мол, это "старье" еще из Союза, но после настоятельных просьб сдался, и гости увидели его работы прежних лет.

Восхищение было искренним. Вот это картины, вот это искусство! То, что еще недавно ему казалось отжившим, оказалось самым нужным, современным, настоящим.

Мы много с ним беседовали. Он часто брал меня в поездки по Тель-Авиву и его окрестностям, знакомил с другими художниками и журналистами. Я не перечисляю их имен, так как просто не помню их.

Михаил, зная мои фотоработы, предлагал сделать совместную выставку, но это как-то не сложилось. Однажды мы приехали в мебельную мастерскую, где работал его друг - русскоязычный мастер по рамам для картин. Там я по очень невысоким ценам заказал много разного размера рамок, часть которых у меня сохранилась до сих пор.

Анна Гузик - невысокая, казалось бы, не очень красивая, но необыкновенно обаятельная женщина и очень интересная, необычная актриса: преображаясь, когда играла, пела и танцевала, она превращалась в очень красивую женщину.

Михаил был моложе жены на десять лет, но все еще влюбленный в нее - высокий, стройный, необычайно для мужчины красивый человек. Как художник и пианист, он помогал Анне в ее выступлениях, концертах, сопровождал ее по всему Израилю и во многих зарубежных поездках, в том числе в трех гастрольных турах по Соединенным Штатам Америки.

Перед второй поездкой в США Анна Гузик попросила меня сделать ей рекламный плакат-афишу. Мы жили уже в Афуле, но я продолжал работать в Союзе художников в Тель-Авиве.

Бывая у них дома, я фотографировал, сделав с десяток ее портретов. Анна выходила в соседнюю комнату, переодевалась, меняла и одежду, и грим, превращаясь то в ведьму, то в Клеопатру, то в Чарли Чаплина, то еще в кого-нибудь. Была восхитительна. Сейчас, просматривая эти работы, я думаю с улыбкой и волнением: а ведь она играла, танцевала и пела для меня одного!

Потом мы переехали в Нацрат-Илит, еще севернее от Афулы и еще дальше от Тель-Авива. И как это часто бывает, наша связь прервалась.

Ее портреты я показываю иногда на своих выставках...

Моей Лиде

Прошло каких-то пятьдесят лет, а кажется - было вчера. Время тянулось медленно, а пролетело как миг. Мы были молоды, и наши души, и их судьбы витали в одиночестве, не зная, к кому или к чему прислониться.

Но мы шли не останавливаясь, со всей нашей надеждой, верой и любовью, но и с некоторой неуверенностью в себе, не очень точно понимая, кто мы и куда идем.

Но был Он, и была Она, а когда их двое, то

должен появиться Рай и все сущее. И травки с деревьями выросли, и птички запели, а на опушке разлеглись волки с овечками. Но это потом, в новой жизни.

А тогда была ранняя весна, мне было семнадцать, и я был в гостях у двух сестричек в квартире, которую они снимали. Мы вели бесконечные разговоры о литературе, искусстве, но и о еврейской истории и роли евреев в истории стран и народов. И в какой-то момент, когда по молодости мы еще не заскучили, открылась дверь и впорхнули три девицы, и яркий весенний свет, появившийся в комнате из открытой двери, отметил, выделил одну из них, как ореолом, сиянием необыкновенным и необычным. И хотя все три были милы и симпатичны, как все молодые девушки в семнадцать лет, но та, что в ореоле и с непреходящей улыбкой, и с мелодичным именем Лида, не давала отвести от нее взгляда. Так я увидел ее впервые. Стоял, зачарованный светом ее улыбки, ею самой, и это не был сон, но я не мог произнести ни слова. Так с тех пор и живу.

Подумаешь, прошло каких-то пятьдесят лет, но и сегодня я вижу ее такой же - окруженной неким светом, изменившим мою жизнь и поразившим мое сердце, голову, руки и ноги...

Дорогая, я с трудом подбираю и произношу слова: только с тобой я хотел прожить свою жизнь, сколько бы ни было, с тобой и сейчас, и потом, в старости...

Спасибо тебе, Господи, за то видение и за то, что оно никогда не исчезало и не исчезло, и за то, что Она всегда рядом.

Сегодня я знаю наверняка, что времена чудес не прошли, что это вовсе не сказки, а моя настоящая, реальная жизнь. И я живой и реальный, и рядом со мной реальная Лида. И хоть двери закрыты и заперты, и свет сквозь них не проходит, а божественный ореол всегда рядом.

И нам надо еще многое обдумать и обсудить, исправить и изменить в себе, и в этой жизни, и в этой грамматике. Главное - любить человека, который рядом.

Анна Гузик

Моя Лидя, детский врач, и я

Счастливы, что мы здесь

Когда древний художник рисовал на стене быка или бизона, что-то вело его руку. Какой-то душевный порыв, или мысль, или надежда, что на земле, кроме него, есть еще что-то или кто-то, что он не одинок в этом ми-

На исторической родине, в Израиле, многим представляется, что это мы ее очастливили своим приездом, а в местах с более короткой еврейской историей мы, как правило, были благодарны уже за то, что нас приняли, они-то нам ничего не должны. Никто и нигде. Приезд в Израиль называется "алия", что в переводе означает "восхождение", то есть возвращение евреев в Израиль.

Каждый из нас в какой-то год и день "поднялся" в Израиль. Странного в этом ничего нет, евреи из всех уголков мира однажды поднимаются со своих мест и отправляются в страну, которую их предки считали своей родиной. И если люди послевоенного поколения требовали отпустить их на свою "историческую родину", то дети, внуки и правнуки наши уже не держатся за прилагательное "историческая", Израиль и есть их единственная настоящая родина. Им иногда трудно понять, что их родители и деды вернулись сюда после тысячелетий галута. Сорок лет назад, когда я приехал в Израиль, страна была совсем другой. Казалась маленькой, неразвитой, с самой высокой в мире инфляцией. Можно было оказаться на дороге, где приходилось ждать, пока не пройдут все идущие навстречу машины. Впрочем, позднее увижу, что и в Европе встречаются такие дороги, такие улочки-загогулины, не понимаешь, как попал, и не знаешь, как выбраться. И внучек не понимает, как можно было жить, когда не существовало ни одного каньона...

Но мы полюбили Израиль таким, каким нашли, и радовались, что приехали. И сегодня, помня природу Литвы, равной которой не так уж много на земле, даже не все и не всегда принимая в Израиле, мы радуемся своей судьбе. Мы любим Израиль и счастливы, что мы живем в Нацрат-Илите. Последняя замечательная новость: в начале октября 2018 года состоялась укладка краеугольного камня для легкой железной дороги из Нацрат-Илита в Хайфу!

Грегори Фридберг о себе

Родился я в эвакуации в 1943 г. в селе Тальменка Алтайского края. При рождении меня назвали Гирш, в память о дедушке по отцовской линии. Но какой там Гирш в Тальменке, что под Барнаулом, да и по всей России, так что Гирш быстренько превратился в Гришу, Григория. В Литву, откуда были родом родители, мы вернулись из эвакуации в 1946 г., и тут уже благозвучнее стало имя Григорийос...

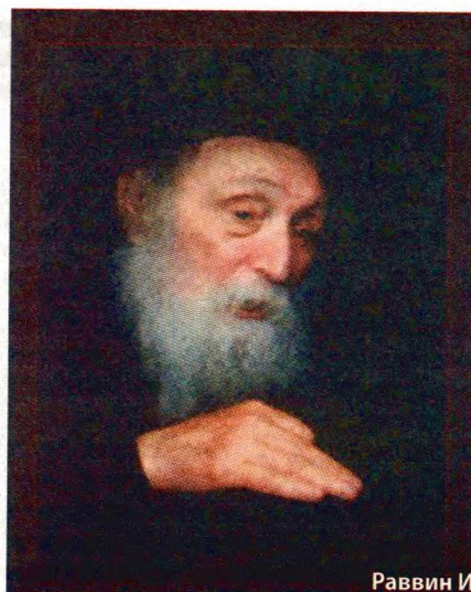
Всем на свете заправляет господин случай. Прилетев в Израиль, мы первым делом попадаем в руки к чиновникам, еще в аэропорту получая какие-то главные документы. На прямой вопрос, как зовут, даю прямой ответ: Григорий Фридберг. Чиновник записал в анкету мои данные и передал папку следую-

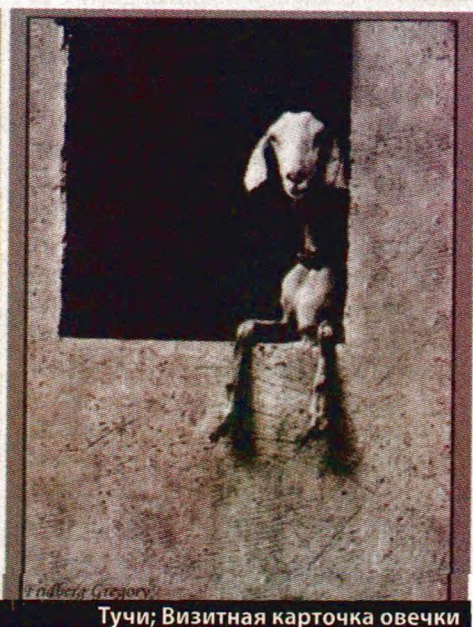
Геула Коэн

щему чиновнику. Только научившись читать на иврите, я разобрал, что отныне я - Грегори. Меня это ни психологически, ни ментально не обидело: Грегори так Грегори. Эта форма имени на слуху повсюду, кто же не знает актера Грегори Пека?.. Сам факт, что мое имя менялось неоднократно и не по моей воле, научило меня толерантности: зовите меня просто Гриша.

Мы жили в Каунасе, сначала на улице Бирштоно, а осенью 1956 г. переехали на улицу Заменгофа. Закончив школу в 1960 г., поступил в Каунасский политехнический институт, но в 1962 г. разразился так называемый Карибский кризис и стали массово забирать молодежь в армию. Меня тоже мобилизовали, но при первой же медицинской проверке определили в госпиталь, где обнаружили врожденный порок сердца и отчислили из армии с установкой: в мирное время

Раввин Израэль Гроссман; Иерусалим, Стена плача

Тучи; Визитная карточка овечки

Писатели Марк Азов, 77, и Леонид Финкель

негоден, в военное - годен к нестроевой. Не став инженером-строителем, в том же 1962 г., уже в Вильнюсе я поступил в техникум при министерстве легкой промышленности на отделение фотографии, который окончил через четыре года. Начиная трудиться в разных студиях и фотоателье, а затем, пройдя творческий конкурс, был принят на работу в Каунасский художественный музей имени М.К.Чюрлениса, где работал до 1968 г., а с 1972-го преподавал фотодело во 2-й литовской гимназии Каунаса. С 1976-го и до отъезда в Израиль в 1979 г. заведовал фотолабораторией Каунасского политехникума, в котором, кроме стандартной работы, организовывал студенческий фотокружок, куда отобрал самых талантливых ребят-фотолюбителей и "довел" их до участия в городской фотовыставке. Знали меня и в местном клубе художественной фотографии.

В Вильнюсе, Каунасе, а затем уже и в Израиле участвовал более чем в 70-и групповых и персональных фотовыставках. Работал в Союзе художников в Тель-Авиве и в одном из самых старых художественных музеев Израиля - "Мишканле-оманут" в кибуце Эй-Харод. Все эти годы мои работы: рисунки, живопись и художественные фотографии публиковались в газетах и журналах. Сам организовал более сорока выставок, в частности для репатриантов.

Сколько себя помню, я всегда что-то рисовал, фотографировал, иногда пытался сохранить чувства и мысли в слове...

Тот мир, который я знал и помню, почти исчез. Но я всегда старался сохранить его цвета, звуки, запахи - его атмосферу. Кроме красоты форм и величия мысли и духа, во всех видах искусства я всегда ищу гуманность, нежность и доброту.

ТАЙНЫЙ ИСХОД ЕВРЕЙСКИХ ДЕТЕЙ

31 декабря 1939 - 1 апреля 1940

Ян ТОПОРОВСКИЙ

Зашифрованные строки. В одном из стихотворений Бертольда Брехта, написанном в 1941 году, есть много деталей, напоминающих о тайной операции, проведенной в начале войны в Европе. Однако, натолкнувшись на свидетельство участников тех событий, я сразу же стал сверять сведения, почерпнутые из стихотворения поэта и факты, рассказанные мне участниками тех событий. В лирическом стихотворении описывается тайная операция "Джойнта", Сохнута и, видимо, других еврейских организаций, произошедшая в Европе перед Второй мировой войной. Названа дата - 1939 год, место действия - Польша и окрестности ("В Польше в ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТОМ, большая битва была, и множество градов и весей она спалила дотла"), где это началось, а затем распространилось по Европе. Автор точен и в указании времени года, когда все происходило - зима ("Ведь даже и деревья под СНЕГОМ не растут"). Брехт называет и месяц - январь ("В том ЯНВАРЕ в Польше поймали пса, говорят"). И маршрут - на юг ("Шли они больше к ЮГУ, где в полдень над головой солнышко стоит, как добрый часовой"). И место назначения - ("В поисках края... не схожего с их страной"). А таким диковинным краем в те годы была Палестина (Земля обетованная). Приводит и количество людей, принявших участие в описываемом событии - тысячи человек ("И вереница огромна"). И даже возраст участников - дети, подростки... Правда, есть неточность - свое стихотворение Брехт назвал "Детский крестовый поход", хотя христианские дети в событии от 1938 года участия не принимали. Первый (и последний) Крестовый поход детей в Палестину проходил в 1212 году (между 4-м и 5-м Крестовым походом взрослых) и закончился весьма плачевно. А в 1939-м - Исход еврейских детей в Палестину, который до сего времени не получил должного освещения и, судя по стихотворению, до сих пор держится в секрете. Проговорился (или догадался?!) только Бертольд Брехт.

Беги, Бен-Цион, беги! Ночью пришли и сказали: "Бен-Цион, ты должен бежать, потому что в четыре часа утра всех сионистов арестуют". Ему и таким, как он, "особо опасным преступникам" еще не было и 14 лет. По цепочке передали остальным:

"Надо уходить!" - и все подростки бежали в Ковель, что в 18 километрах от местечка Турийск, где жила семья Бен-Циона Вайнера. В Ковеле беглецов известили, что подпольное сионистское руководство организует выход детей в Литву, ибо поступили сведения, что 1 января 1940 года СССР наглухо перекроет свою новую (Польша, Закарпатье, Прибалтика, Бессарабия) границу. И тысячи еврейских детей - на поездах, телегах, пешком - пересекли границу и начали свой тайный исход в Палестину.

Это было в ночь на 31 декабря 1939 года. Сорок градусов мороза. Группа Бен-Циона пробиралась пешком от городка Лида до Вильно. На границе советские (дети их упрямо называли "русскими") патрули с собаками, но ребята знают, что скоро пограничники будут пить - на дворе Новый год. А проводники через границу - люди, знакомые со всеми тропами, не один раз ходившие туда и обратно...

В эту ночь перешли 52 группы по 20-25 человек в каждой. Два месяца они, дети от 14 до 17 лет - были между небом и землей. Ни одежды, ни продовольствия, ни денег. "Джойнт" организовал подпольную типографию, где печатались фальшивые документы, чтобы продолжить тайный исход. Что это были за документы? Бен-Циону, например, вручили бумагу, в которой говорилось, что за неделю до начала войны он получил извещение от английского посольства в Варшаве о выдаче ему разрешения (сертификата) на въезд в Эрец-Исраэль для учебы в хайфском Технионе. С этим документом он явился в шведское посольство, которое располагалось в Ковно, затем в голландское и во французское - для получения транзитной визы.

"Джойнт" выделил деньги на аренду 15 двухмоторных самолетов по тридцать мест в каждом и дети - еще не зная, что над ними уже распростерла крылья тяжелая дорога и судьба, - улетели в Стокгольм, а оттуда в Амстердам. Из Амстердама выехали за десять дней до того, как немцы оккупировали город. Ребят посадили в поезд и - наглухо задрав двери и окна - повезли через Бельгию и Францию.

В Париж подростки приехали ночью. В поезд погрузились французские солдаты, и уже все вместе направились в Марсель. Французские солдаты спасли ребят от голодной смерти, поделились едой и водой. А ведь юных сионистов (да какие там сио-

нисты в таком возрасте?!) было около тысячи человек. В Марселе их ожидало судно, на котором дети отправились в Палестину.

В ночь на 1 апреля 1940 года они прибыли в Хайфу. Пока корабль швартовался, молодежь пела "Атикву". Потом на борт поднялись англичане, потребовали документы, а когда как следует разглядели бумаги, обнаружили, что подписи фальшивые.

Но даты рождения были настоящими. И тогда ребят разделили по возрасту. Бен-Цион оказался в "младшей" группе - до четырнадцати. В "старшей" - не выше семнадцати. Но "малыши" смотрели на них, как на "взрослых". Точно так же отнеслись к детям и англичане. "Взрослых" сразу отправили в тюрьму, а "малышей" - пятнадцать человек - в небольшой концентрационный лагерь. Там детей отделили от взрослых - уголовников и политических - и запретили покидать территорию.

"Малыши" находились за проволокой несколько недель, а потом узнали, что к англичанам пришли представители Еврейского агентства и сказали: "Идет война. До войны мы получали от вас пять тысяч разрешений в год на репатриацию евреев в страну. Но теперь никто не приезжает. Может, стоит разрешить этим еврейским детям официальный въезд в страну и выдать разрешение на учебу в высших учебных заведениях?"

Англичане согласились с доводами и выдали "малышам" сертификаты. Однако продолжали относиться к ним настороженно, - боялись, что среди детей есть "шпионы". А потом тринадцати- и четырнадцатилетним - после месяца пребывания в лагере - разрешили остаться в Стране обетованной. Что же касается остальных (от пятнадцати и до семнадцати), то после четырех месяцев тюрьмы им тоже выдали сертификаты.

В фальшивых документах, с которыми Бен-Цион въехал в страну, было сказано, что ему разрешена учеба в хайфском Технионе. И представитель Сохнута отнесся к этой строчке очень серьезно. Он спросил Бен-Циона Вайнера: "Ты и вправду хочешь учиться?". С этим вопросом он обратился и к другим одногодкам Вайнера. Только трое ответили положительно. Их направили в Технион и поселили в студенческом общежитии. Там уже находились подростки (около 80 человек) - из Германии. Они совершили свой исход за

два месяца до начала войны.

Но не все подростки, как было сказано, хотели учиться. И вот почему. Шла война. У многих родные остались на оккупированных немцами территориях, и никто не знал, что с их близкими. Большинство детей рвалось в бой, но англичане не брали евреев, тем более детей, в британскую армию. И только через полтора-два года после приезда, когда положение на Ближнем Востоке стало серьезным, когда дети подросли, Британия разрешила еврейским юношам служить в английской армии, но... в качестве обслуживающего персонала.

Револьвер под рубашкой. Однажды, когда Бен-Цион общался с другим студентом, он заметил у того оружие под рубашкой. Подросток перехватил его взгляд и сделал знак: "Молчи". Потом прошептал: "Никому не говори". Бен-Цион удивился: "А почему я должен кому-то об этом рассказывать?"

После случившегося прошло недели две-три (видимо, за это время к Бен-Циону присматривались?!), но выяснив, что он в Польше был членом подпольной еврейской организации, да еще умеет обращаться с оружием, его (и друзей по исходу) навестили "товарищи" и попросили прогуляться с ними по вечернему саду. А там незнакомцы сказали, что "англичане нам не друзья", и что "мы должны готовиться к сражению и против немцев, и против англичан". А потом поинтересовались, хотят ли они - студенты - войти в подпольную организацию. Подростки ответили: "Хотим".

Так они оказались в рядах "Хаганы". И сразу же началась военная подготовка. "Новобранцев" разбросали по разным группам. Группа Бен-Циона насчитывала восемь человек. Причем в нее входили не только студенты, но и жители Хайфы, члены кибуцев и мошавов. Их стали обучать обращению с новыми видами оружия. В Польше Бен-Цион Вайнер и его друзья сталкивались, например, с автоматами.

После учебы в Технионе, уже под вечер, ребята отправлялись в места, где англичане не могли их обнаружить. Туда привозили оружие, и они занимались военной подготовкой. Во время каникул их перебрасывали в отдаленные кибуцы, где были оборудованы подпольные лагеря, и где они принимали участие в учебных маневрах.

А вот "взрослые" не хотели терять время на учебу - они стремились воевать. А

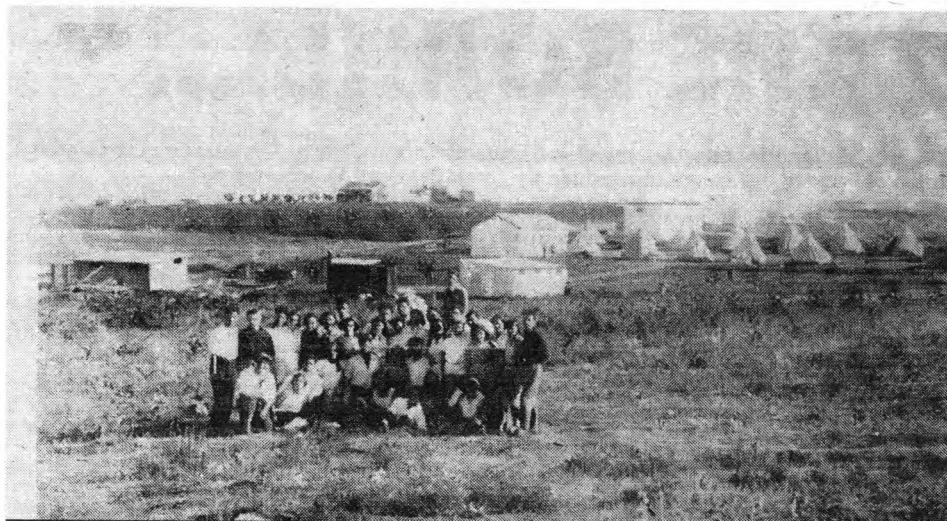
Эдит, репатриантка из Германии и ее будущий муж - Бен-Цион Вайнер, репатриант из Польши, 1943 (?) г.

Отряд ХАГАНЫ в киббуце Бейт-Зера ("младшая группа"), 1944 г.

Отряд ХАГАНЫ киббуца Бейт-Зера вытаскивает из песка грузовик на маневрах в Негеве, 1944 г.

Кибуц Бейт-Зера, начало жизни, 1932-1936 гг.

когда война перекинулась на Ближний Восток, англичане передали "Хагане" через Сохнут, что немцы уже в Ливии, на границе с Египтом: "Мы не знаем, что будет. Мы даем вам возможность подготовиться. Мы готовы взять ваших людей в армию, но не бойцами, а как обслуживающий персонал".

Командование еврейской подпольной организации отобрало и направило в британскую армию 15 тысяч еврейских парашютистов. Они были в обслуживающем персонале, но - главное - присматривались к оружию англичан. Для чего? У "Хаганы" на тот момент не было тяжелого вооружения, и научиться обращаться с ним можно было только у английских солдат, в прибрежной артиллерии. А некоторые молодые ребята служили шоферами - возили британцам оружие со складов: часть оружия доставлялась англичанам, а часть, тайно, передавалась безусым шоферам "Хагане".

Вскоре у руководства "Хаганы" возник отчаянный план. Они пришли к британцам и сказали: "Мы хотим подготовить группы парашютистов". Англичане согласились: "Готовьте, но только без оружия". Но позже британцы - поняв, что в предложении есть рациональное зерно, - предложили евреям парашютистам сражаться против немцев в Египте или в другой стране Северной Африки. Но у "Хаганы" были свои виды и планы: предполагалось забросить парашютистов в Европу.

На подготовку отрядов ушло два года. И в день высадки американцев в Италии - на берег тайно высадились и еврейские группы из Эрец-Исраэль. И через линию фронта ушли в Югославию. С единственной целью - спасти евреев. Но оказалось, что почти все евреи там были уже уничтожены.

Ошибка подрывников. Но если исход еврейских детей прошел вроде бы "гладко", то борьба (в прямом смысле слова) за Палестину была и в самом деле кровавой. Хотя группа Бен-Циона не воевала с англичанами. Против британцев - по его словам - воевали только две небольшие подпольные организации: "Мы не взрывали британские казармы, посольства, дома, не стреляли в их солдат, мы вместе с ними боролись против немцев. Но англичане перехватывали суда, на которых мы привозили в Эрец-Исраэль евреев из Европы. Они захватывали корабли прямо в море и возвращали обратно, в лучшем случае отправляли на Кипр". Да и дети - это все-таки не професси-

ональные солдаты. У них не было опыта. Они учились в бою. Об одном таком кровавом уроке Бен-Цион рассказал при нашей встрече: "Эдит, моя будущая жена, которой в то время было 16 лет, выехала из Берлина в 1940 году последним еврейским транспортом, которому немцы разрешили покинуть Германию. Беженцы отправились сначала в Австрию, там сели на судно и по реке Дунай - две тысячи человек на одном суденышке - добрались до Болгарии. Там к ним присоединились еще две тысячи человек. Они пересели на три больших, но видавших вида корабля, и отправились на Землю обетованную, в частности в Хайфу. Недалеко от берега, в августе 1940 года их перехватили английские военные корабли и сопроводили в Хайфу. А там всех - четыре тысячи человек - перегрузили на старое судно, чтобы переправить на острова Индийского океана, в район Южной Африки. Но наша подпольная организация решила сорвать планы англичан. И тогда мы взорвали судно, которое должно было отплыть к далеким островам. Мы думали, что от взрыва получится только дырка в борту и судно не сможет выйти из хайфского порта. Но подрывники не учли, что судно деревянное, старое... И оно взлетело на воздух. А люди упали в море. Двести сорок пассажиров - женщин, детей, стариков - утонули в водах хайфского порта. Оставшиеся в живых добрались до берега. На берегу англичане схватили этих несчастных и отправили в концентрационный лагерь".

Наши люди на Кипре. На Кипре уже были люди "Хаганы". Негласно, конечно. Управляли там лагерем. Английские солдаты не имели права переступить черту еврейского лагеря. В нем за два года существования скопилось около 60 тысяч евреев. Там действовали все подпольные организации Эрец-Исраэль. Они готовили людей к войне. На следующий день после образования Государства Израиль - 15 мая 1948 года - англичане разрешили беженцам покинуть Кипр. Шестьдесят тысяч человек - в большинстве своем молодые ребята (вспомните "взрослых", на которых смотрели "малыши") - прибыли в страну и прямо с трапа отправились на фронт. Бен-Гурион, отдавший это распоряжение, сказал, что другого решения у него нет. Это был, конечно, необычный, странный приказ. Не все могли взять на себя такую страшную ответственность. Эти ребята воевали возле Латруна. Там погибло 600 "взрослых" де-

Первый парад Победы в Государстве Израиль. Отряд кибуца Бейт-Зера, Тверия, 20 мая 1968 года

тей, но Латруном, мы, к сожалению, не овладели. Иорданцы сидели там до Шестидневной войны.

Еще один странный приказ. Известно, что был отдан еще один странный приказ подпольным группам (в том числе "малышам" и "взрослым"): войти в кибуцы, а после провозглашения Государства Израиль - "выйти". Как вспоминал, Бен-Цион Вайнер из группы "малышей", их руководство решило, что боевые отряды надо держать наготове - тогда и был отдан приказ "войти" в кибуцы, естественно, подальше от баз англичан. Надо отметить, что в каждом кибуце и мошаве размещались отряды "Хаганы". Других подпольных организаций там не было. В кибуце Бейт-Зера, в который тогда "вошел" отряд Бен-Циона, жило всего 50 семей, но, если было нужно, они выставляли сто десять воинов. Такие отряды имели кое-какое оружие. Но в кибуцы направлялись не все - только группы парашютистов. Потом военную подготовку там стала проходить местная молодежь, затем - репатрианты из Германии, Польши и Румынии, прибывшие до начала Второй мировой войны. В кибуцах организовались отряды ПАЛЬМАХа. Это были настоящие боевые части, в них вошли более 10 тысяч парашютистов.

Правда, Сохнут обговорил с кибуцниками: денег группам платить не надо, дайте только работу, жилье и еду. Вот так еврейские дети из Европы, совершившие свой исход перед войной, "вошли" в кибуцы.

Кибуц Бейт-Зера расположен в Иорданской долине. Отряд Вайнера днем работал, а по ночам совершал тренировочные марш-броски. Арабы не смели, как раньше, совершать набеги, они даже перестали выходить по ночам из сел, ибо знали, что в кибуцах находятся группы, способные дать отпор. В 1948 году все отряды "вышли" из кибуцов - и на их основе была создана Армия обороны Израиля.

Ключи от арабских домов. Следует сказать несколько слов и о том, как складывались взаимоотношения с арабскими соседями и "малышами" из кибуца. По крайней мере, на примере Бейт-Зера. Рядом с кибуцем располагалось арабское село. И члены кибуца (в том числе и группы) были в самых дружеских отношениях жителями села. Торговали, ходили друг к другу на свадьбы и даже на похороны. Но в одну из майских ночей 1948 года в кибуц пришли трое арабов во главе со старостой

села. Они протянули кибуцникам ключи от своих домов: "Возьмите, мы уходим!". "Малыши" удивились: "Как? Почему вы уходите?". Староста рассказал, что к ним в село пришли иракские военные и велели им уйти: "Мы хотим иметь чистую территорию, чтобы спокойно воевать с евреями. Пройдут две-три недели, и вы вернетесь назад. И получите всю территорию и все еврейское добро". Но в тот раз кибуцники убедили арабов остаться в своем селе. Арабы знали, что согнать еврейских соседей с земли будет нелегко даже тогдашней иракской армии. Но через три дня опять пришел арабский староста и снова протянул ключи от арабских домов: "Мы уходим". Надо сказать, что это было бедное арабское село. Только два дома - здание школы и жилище старосты - были из камня. Остальные - мазанки.

Первый парад победы. В Тверии в те годы проживало 6 тысяч евреев и 10 тысяч арабов. Арабы все время совершали набеги на еврейские поселения и кибуцы: грабили, убивали... И вот, 14 мая 1948 года подпольные группы, расположенные в кибуцах Иорданской долины, решили оказать арабам достойное сопротивление. За ночь еврейские отряды вышли к Тверии (вот вам ночные тренировки и марш-бросок "малышей" и "взрослых"). Утром арабы обнаружили, что к Тверии стянуты еврейские отряды. Они бросились к англичанам за помощью. Те ответили: "Мы не помогаем евреям, но не помогаем и арабам. Мы можем только дать вам шанс спокойно уйти из города". Англичане выделили грузовики, и все десять тысяч человек покинули Тверию. В тот же день сбежали арабы из села Цемах. И вот почему. Они знали, что "малышам" и "взрослым" известно, что жители этого поселения убивали евреев. Они думали, что евреи будут относиться к ним, как те относились к евреям.

Потом в Тверии (кстати, первым освобожденным городом был Цфат) состоялся первый еврейский парад победы - победы без единого выстрела.

А что касается Бен-Циона Вайнера, то он, как "вошел" в Бейт-Зера, так и остался там до конца жизни. А вот ребенок ("Там в бархатной детской блузе еврейский мальчик шел") из стихотворения Бертольда Брехта все еще идет и идет...

Фото из архива семьи
Бен-Циона Вайнера
и музея кибуца Бейт-Зера.

Марк ВЕЙЦМАН

КАК ЛЕГКИЕ ВОЛНЫ...

Глава из книги воспоминаний

Лето 1946 года. Вместе с матерью и отцом я, восьмилетний, плыву на пароходе из Киева в Черкассы в гости к дедушке Грише и бабушке Ане.

*Пароходик плыл колесный
По зеркальному Днепру
Мимо станции насосной,
Мимо сосен на юру,
Мимо леса, мимо поля
В легком мареве жары,
Мимо Стаек и Триполья,
И Тарасовой горы.
В трюме выло и стучало,
Брызги сыпались с колес.
Удощатого причала
Кони хрупали овес...
Домик дедовский беленый -
Средоточие усадьбы,
За оградой - зеленый,
Золотой эдемский сад.
Плод Божественного древа
Дозревает в вышине.
Скучновато. Впрочем, Ева
Не нужна покуда мне...*

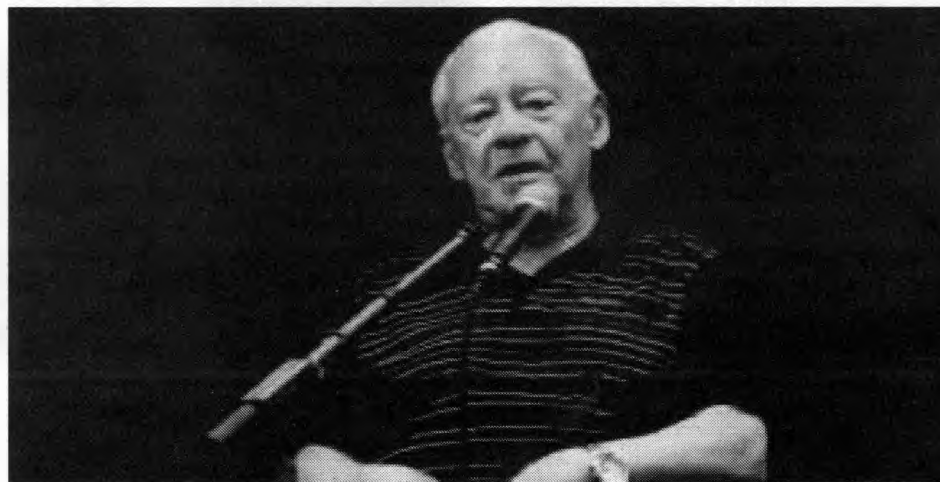
Это отрывок из давнего моего стихотворения. Его название - "Репортаж из Эдема" - свидетельство ребенка об открывшейся ему реальности, воспринимаемой им в качестве эдемского (райского) сада, через который протекает волшебная река - Днепр.

Что касается деда, Григория Соломоновича (Герш-Бера Шломовича) Вейцмана, то с ним все ясно: он действительно мой дедушка. С бабушкой же Аней не все так просто - у нее другая фамилия. Она - Дашевская.

Со слов отца я понимаю следующее - дед родом из Махновки, некогда уездного местечка на Житомирщине с преобладающим еврейским населением. Оно расположено неподалеку от Бердичева и некогда считалось уездным центром. Со времени роли этих населенных пунктов переменились - административным центром уезда стал Бердичев.

При советской власти Махновку стали ассоциировать с Нестором Махно, что привело к переименованию городка - он стал Комсомольском, хотя к коммунистическому союзу молодежи, конечно же, ни малейшего отношения не имел. Более того - в нем проживали хасиды - приверженцы религиозного течения в иудаизме, придающего особое значение эмоциональному постижению Бога. Вероятнее всего, и мой прадед Шлойме-Мендл, меламед (учитель) еврейской школы-хедера, - был хасидом.

В Израиле школьными программами предусмотрена самостоятельная работа учеников над темой "Шорашим" - по-русски "Корни". Дети спрашивают у своих родных сведения о происхождении и жизни предков, иллюстрируют их фотографиями и документами, если таковые имеются, и "отчитываются" перед учителями и товарищами. Однажды я опубликовал об этом очерк в "Еврейском камертоне", приложив к нему чудом сохранившуюся фотографию прадеда. За сим последовал телефонный звонок. Женщина спрашивала: "Кем вам приходится этот старик?" - "Прадедом". - "А мне - дедом!". Женщина оказалась самой младшей двою-

родной сестрой моего отца Кларой, о которой я никогда раньше и не слышал. Мы, естественно, встретились. И я получил бесценный подарок - фото Шлойме-Мендла в полном молитвенном облачении, за шахматной доской и на фоне дома, в котором в числе шестерых своих братьев и сестер вырос мой дедушка Гриша и родился отец Израиль Григорьевич Вейцман.

*Мой прадед был меламедом
В местечке под Бердичевом
И обладал - хвала ему! -
Детей большим количеством.
Он восседал за трапезой
Средь чад тонкоголосых
В ермолке, молюю траченной,
Медлительный философ.
Он был крутого норову
И воевал с тоской,
Склонив густую бороду
Над шахматной доской...*

Как же дедушка оказался в Черкассах? "Это любовь, это ее дела!" - воскликнем вслед за Булатом Окуджавой. В 1913 году дедушка женился на девушке из зажиточной бердичевской семьи. Звали ее странновато - Веля. Полагаю, что женился вопреки желанию прадеда, который, видимо, считал будущую невестку недостаточно религиозной. Молодые с младенцем (моим отцом) на руках были вынуждены покинуть Махновку. Поиски работы привели деда в Черкассы.

Передо мной его визитная карточка более чем столетней давности, детище дореформенной орфографии со всеми ее упраздненными впоследствии буквами, которая на нынешний лад выглядела бы так:

**Г.Б.ВЕЙЦМАН
ДОВЕРЕННЫЙ
Типографии и писчебумажного
магазина
А.Н.БОГАНОВСКОГО
Черкассы**

Сохранилась у меня и записная книжка деда с золотым обрезом в кожаном переплете с карандашиком и адресами варшавских и киевских фирм, где Григорий Соломонович заказывал товар для магазина, а также гостиниц, в которых он останавливался...

От Киева до Черкасс наш пароход плывет крайне медленно, весь рейс занимает часов 14, так что к черкасской пристани, располагавшейся тогда там же, где нынешний речной вокзал, мы причаливаем глубокой ночью. Здесь прибывших пассажиров ожидают телеги с лошадьми, "хрупающими овес", как было замечено выше, и угрюмыми от недосыпа возницами. А пока наша телега, окутанная клубами пыли, медленно взбирается на крутой днепровский склон, скажем несколько слов о бабушке Ане. Дед женился на ней через год после смерти первой своей жены Вели, матери отца.

Дело в том, что в мае 1919 года на юге Украины вспыхнул антибольшевистский мятеж Н.Григорьева, бывшего командира дивизии Красной армии. В этом же месяце бабушка Веля родила двойню, при том, что из двоих родившихся мальчиков выжил только один - Велвл, по-русски - Владимир. В Черкассах григорьевцы учинили страшный еврейский погром ("Краткая еврейская энциклопедия", изданная в Израиле, пишет о 700 убитых). Взрослые при мне избегали говорить на эту тему, но, думаю, что погром этот каким-то боком коснулся и нашей семьи и, может быть, даже стал причиной болезни Вели и ее смерти, через несколько лет последовавшей. Дед остался вдовцом с двумя малолетними детьми на руках.

В то же время первого мужа бабушки Ани, Анны Моисеевны, бандиты сняли с остановленного ими поезда и застрелили прямо у железнодорожного полотна. Через год она с сыном переехала из Золотоноши в Черкассы к моему дедушке. Со временем у них родился общий ребенок - Евсей.

Магазин Богановского стал государственным, и дедушка был назначен его заведующим. Изменилось лишь название - "Книги. Канцтовары". В общей сложности он проработал в этом заведении примерно сорок лет...

С булыжной мостовой мы сворачиваем налево и в тусклом свете немногочисленных фонарей движемся по улице Свердлова до ее пересечения с улицей Гоголя. Здесь в старинном доме, окруженном фруктовым садом, дедушка и бабушка временно снимают комнату, ожидая, когда освободится их собственная квартира, занятая соседями во время немецкой оккупации города.

*Сад выпирает из тесной ограды,
Как из кадушки - опара.
Падают груши и яблоки сада
В серую пыль тротуара.*

*Ветер подует - и с веток высоких
Сыплются вниз абрикосы.
Пьют до отвала фруктовые соки
Жадные желтые осы.*

*Смотрит со страхом на них
и презреньем
Мальчик с разбитой коленкой.
В медном тазу остывает варенье
С нежною розовой пенкой.*

*Легкая горечь плодов перезрелых,
Щедрость на грани распада.
Раз побывать в этих райских пределах -
Большого в жизни не надо.*

*И, просветленный, идешь наудачу,
Движимый страстью бредовой,
В бешеный мир, провожаемый плачем
Шаткой калитки садовой.*

В таких садах утопают многие частные дома, ибо время утилитарного многоэтажного строительства еще не наступило. Теперь большинство из них осталось лишь на холстах замечательного черкасского художника Евгения Найдена, моего друга.

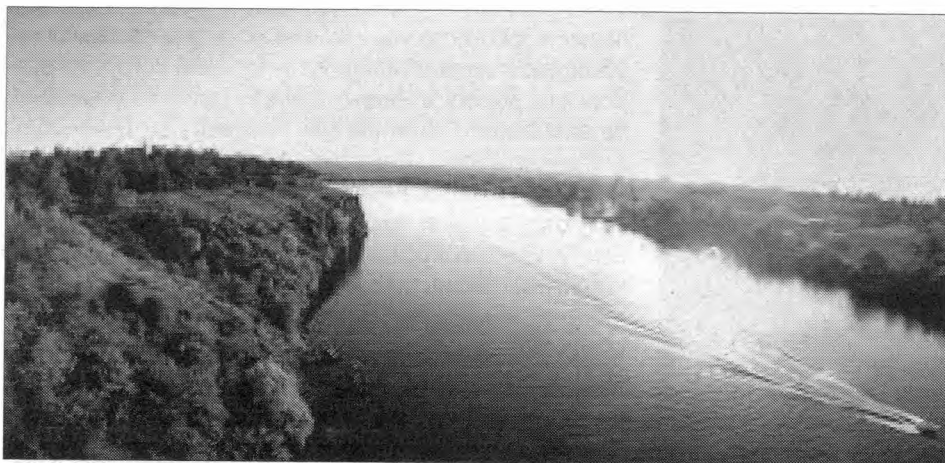
В городе 30 тысяч жителей. Это райцентр. Фрукты в буквальном смысле слова валяются под ногами. Днепр кишит рыбой. По утрам с левого берега к городу плывут лодки и баркасы с огромными бидонами молока. Коровы там пасутся на заливных лугах.

Городской пляж располагается на косе протяженностью в 2-3 километра. Спуск к реке - продолжение улицы Котовского. Между берегом и косой метров сто. Перевозчики на пахнувших смесью веселых плоскодонках берут с пассажиров по рублю с носа. Дети и молодежь переправляются вплавь.

В городе пока что один кинотеатр - "Украина". Плюс клубы - табачной фабрики и Дома офицеров. На месте нынешнего продуктового рынка - футбольное поле, где играют любительские команды "Динамо" и военного гарнизона. А рынок располагается там, где со временем будет построен Дом Советов.

Я с матерью приезжаю в Черкассы каждое лето. Теперь уже дедушка с бабушкой проживают в собственной небольшой квартирке в одноэтажном домике по Свердлова, 30. Это - задворки нынешнего почтамта. Вместе с ними здесь обитают бабушкин брат-инвалид, потерявший ногу на войне, Гершеле, и его жена Поля.

Во второй половине домика живет многодетная семья айсора-сапожника Евнанова. С его дочерьми Ниной и Зиной я часами просиживаю на ветвях шелковицы, лакомясь сладкими ягодами. Старшие сыновья - взрослые, степенные мужчины, младший Андрей, паренек старше меня

на пару лет, - местный enfant terrible. Он горяч и неуправляем. При случае может и ножиком пырнуть. Но тем, к кому расположен, - верный друг и покровитель. И если у вас появятся какие-то проблемы с местной шпаной, то простой проход по улице в его обществе - гарантия вашей будущей безопасности.

Вот он решает разделаться с обнаглевшими крысами, ловит их и помещает в металлическую клетку. Обливает керосином и поджигает. Объятые огнем зверьки мечутся по клетке. Зашедший во двор мужчина, свидетель этой жуткой казни, делает Андрею замечание. Возникает пенька. Андрей достает нож. Его пыл пытается охладить выбежавшая из дому его мать. Тщетно. Вот-вот случится непоправимое. Но тут к буяну подходит мой дедушка, кладет ему руку на плечо и что-то тихо говорит. И тот мгновенно остывает: "Все, Григорий Соломонович! Все!".

Когда лет через десять гроб с телом дедушки повезут в кузове грузовика на кладбище, за его рулем будет сидеть не кто иной, как Андрей Евнанов...

Я приезжаю в этот город с матерью каждое лето. В августе 48-го вдруг заболеваю странной болезнью - чудовищные боли в животе, тошнота, температура 42 градуса. Женщина-врач предписывает касторку и грелку. Мать интуитивно ее рекомендации отвергает. Это спасает мне жизнь. Живущие по соседству врачи - доктор Яковлевич Певзнер и военный хирург Гласон ставят диагноз: прободной аппендицит, необходима немедленная операция. При том, что "скорую" вызывать не следует: ребенок нетранспортабелен, дорожная тряска может его убить. И вот меня несут на носилках в больницу по ночному городу. Хирург по фамилии Пышный (коллеги зовут его Олесь) склоняется надо мной: "Оперировать могу только при наличии пенициллина". Дедушка каким-то чудом среди ночи добывает несколько ампул этого нового американского лекарства. Обычно за прободением следует заражение крови и человек умирает. Олесь меня спас. "Я твой друг, батя", - говорил он. Для лечения требовался пенициллин. Счастье, что сестра Григория Соломоновича (я называл ее "тетя Таня"), в ту пору заведовала в Киеве аптекой №1, что напротив оперного театра. Ампулы надо было доставить в Черкассы. Отец и Евсей ехали на чьей-то частной машине. Но с левого берега Днепра надлежало еще переправиться на правый. Дул сильный ветер. Наняли лод-

ку. Ее захлестывали волны. Отец вручил ампулы Евсею: "Если перевернемся, ты можешь доплыть, я - вряд ли..."

Осенью 1953 Пленум ЦК партии принимает решение усилить сельское хозяйство инженерными кадрами. Отца, директора небольшого киевского завода, вызывают в райкомы предлагают пост главного инженера МТС, связанный с переездом в Полесье.

Отказаться - значит вылететь из партии и поставить крест на своей карьере. Благо, Черкасская МТС тоже требуется толковый главный инженер. И вот родители переезжают в Черкассы.

Рядом с МТС на опушке леса - поселок, несколько коттеджей, в которых проживают работники МТС и лесхоза. Проселочная дорога ведет в Сосновку. Если ее пересечь - попадаешь в обширное пространство с многочисленными, недавно посаженными сосенками (позже на этом месте возникнет парк им. 50-летия Октября). За ним - под крутым обрывом - глубокий затон судоремонтного завода.

Затон соединен с руслом Днепра каналом. Но уже отсюда слышно мощное дыхание большой реки.

Используя сентенцию Гоголя: "Чуден Днепр при тихой погоде", я в одном из своих юношеских стихотворений возражаю классику - независимо от погоды! Потому что Днепр бывал "чуден" и во гнев, когда тяжелые, темные валы захлестывали берег и в щепу разбивали рыбацкие лодки и баркасы, и в зимних сверкающих на солнце ледяных оковах, и в буйную пору весеннего ледохода, когда льдины лопались с пушечным грохотом и двигались по течению грозной лавиной, напояв друг друга, и позже, когда половодье вторгалось в город и заливало пристани, набережную и подвалы домов.

Однажды зимой, катаясь по гладкому днепровскому льду на коньках, я угодил в полынь, провалившись в нее по пояс, и с трудом из нее выбрался. Но не обиделся на Днепр, как не обижаются на близкого человека. Тем не менее,

...когда я: "Мой милый" -
к Днепру обратился
в подражательной оде газетного толка,
"патриот" возмущился,
товарищ смущился
и хихикнула, фиксой сверкнув,
комсомолка...

Увы, по мнению части моих сограждан

титутной национальности, не имел я, "инородец", права присваивать себе реку, которую они считали своей, и только своей. К сожалению, с проявлениями антисемитизма приходилось мне сталкиваться на всех этапах жизни. В школе "срезали" медаль, несмотря на предыдущие 9 похвальных грамот и отсутствие ошибок в сочинении.

При поступлении на физмат ЧГПИ, справившись со смехотворно легкими вопросами и задачей экзаменационного билета, на устном экзамене по математике получил я какую-то странную дополнительную задачу, как выяснилось позже, - по начертательной геометрии, которая, как известно, в школе не изучается. С двумя преподавателями института, экзаменовавшими меня, я все-таки поступив в него, демонстративно не здоровался в течение пяти лет, а они при встрече со мной отводили глаза. Правда, на выпускном вечере один из них, сильно подвыпивший, подошел ко мне со словами: "Извини, друг! Мы с N, конечно, виноваты перед тобой, но пойми и ты нас - перед экзаменом нам велели: "Валите, сами знаете, ко-го! Вот мы и валили".

Редакторы ряда изданий просили: "Возьми псевдоним! Ну что тебе стоит! Мы хотим дать твои стихи, но начальство их под твоей фамилией не пропустит". Однажды в республиканской "молодежке" "Комсомольское знамя" пошли мои стихи вообще без подписи - якобы по вине типографии: мол, потерялась последняя строчка набора. Иногда я встречал свои стихи в периодике, подписанные фамилиями Марченко, Марков или Маркевич - "самодельность" издателей.

Недавно Софья Игнатьевна Богатырева, в прошлом заведовавшая отделом литературы в московском журнале "Пионер", в котором я регулярно публиковался в течение четверти века, та самая, которой Надежда Яковлевна Мандельштам завещала рукописи поэта, рассказала мне, с каким "скрипом" проходили в журнале не только мои стихи, но и произведения более именитых авторов с еврейскими фамилиями - Пастернака, Заходера, Бориса Слуцкого, и даже корреспонденции детей, юнкоры журнала.

В Союз писателей я, автор к тому времени пяти книг и множества публикаций в самых престижных журналах, был принят лишь с третьего раза. Интересно, что одним из доводов в пользу приема, как мне рассказывали потом, оказался именно тот факт, что я не маскирую свое еврейство псевдонимом...

Отец мой постоянно мотался на "газике" по селам Черкасского района, полевым станам и тракторным бригадам и частенько брал меня с собой.

Впечатления, полученные в этих поездках, легли в основу первой моей публикации: Микола Тодосьевич Негода отобрал стихотворение "Старик" о престарелом колхознике - для альманаха "Дніпрові зорі" за 1957 год. А было мне в ту пору 19 лет.

В литературное объединение при газете "Черкаська правда" привел меня мой

институтский приятель Александр (Шура) Найден, старший брат художника Евгения Найдена, о котором я вспоминал выше. Руководил объединением Иван Опанасович Рябокляч, пышноусый украинский прозаик, лауреат Сталинской премии третьей степени. Ему помогал Микола Негода, которого только что приняли в писательский союз.

Я знал, что Микола Тодосьевич, будучи 13-летним мальчишкой, во время войны стал членом антифашистского подполья на Черкащине и связным в знаменитом партизанском отряде Дубового, воевавшего с немцами в лесах Холодного яра.

Погодите, а не тот ли это Петро Антонович Дубовой, секретарь Черкасского райкома партии по зоне МТС, который приятельствует с моим отцом и часто бывает у нас дома?! Конечно, он! Тот самый! Огнеглазый, напористый, любящий ядреную шутку и дружеское шумное застолье. Однажды, когда я, десятиклассник, в январе 1956-го года приехал из Киева на каникулы к родителям, он назвал меня в "красный уголок" МТС: "Ось я тобі зараз щось покажу!" - и достал из сейфа копию закрытого письма ЦК партии о развенчании культа личности Сталина. И, насладившись моим удивлением и растерянностью, воскликнул: "От сука!". При том, что партизанский отряд, которым он командовал был отрядом имени как раз этой "суки"...

А кроме Дубового, в нашем доме бывала еще одна местная знаменитость - дважды героиня социалистического труда, председатель колхоза "Радянська Україна", что в селе Геронимовка, Галина Евгеньевна Буркацкая. Отец рассказывал, что для того, чтобы в этом колхозе устанавливались рекорды по сбору конопли с гектара, Галине Евгеньевне разрешали использовать земельные участки, не принадлежащие колхозу и естественно, при подсчете массы конопли с гектара не учитываемые...

И еще одна новоиспеченная профессиональная писательница проживала тогда в Черкассах-милейшая Лариса Михайловна Письменная. И нередко появлялась на занятиях нашего литературного объединения. Через много лет она даст мне рекомендацию в СПУ.

После того, как в "Комсомольской правде" появилась статья "Чайльд-Гарольды с Тверского бульвара", прожившая начало критическим выпадом в адрес новых поэтов Евгения Евтушенко, Андрея Вознесенского, Беллы Ахмадулиной и Юнны Мориц, в черкасской областной газете появилась информация о заседании областного литобъединения, где обсуждались стихи молодого стихотворца Марка Вейцмана, который почему-то учится поэтическому ремеслу не у Исаковского и Долматовского, а у футуристов и символистов, на что оному М.В. было указано в надежде, что он в будущем избавится от такого нездорового влияния. Советчики, видимо, не понимали глубокого различия между символизмом и футуризмом, но это никого не волновало...

Окончание. Начало на стр. 1

Германии в процессе над Эйхманом (1961-1962) и даже атмосферы первой встречи между Бен-Гурионом и Конрадом Аденауэром³ (Нью-Йорк, 1960).

Соглашаясь на установление формальных контактов, Альтерман вместе с тем требовал начисто исключить из них "человеческий" элемент: по его мнению, вынужденное общение с немцами возможно лишь при условии отношения к ним как к роботам, бездушным автоматам. Германские репарации он воспринимал именно в таком прагматическом ключе: как законную компенсацию за разграбленное еврейское имущество, но ни в коей мере не как "плату за прощение". Поэтому содержащиеся в заявлениях Бен-Гуриона слова о "другой Германии", о том, что "Германия Аденауэра - это не Германия Гитлера", и "Аденауэр ни в чем не виноват", воспринимались Альтерманом (и многими другими израильтянами) крайне болезненно. Яростной была и дискуссия с левыми сталинистскими партиями, которые, требуя разорвать всякие связи с Западной Германией, в то же время не считали зазорным контактировать с Германией Восточной.

Стихотворение "В тот день" было опубликовано 18.12.1942 в газете "Гаарец".

*В тот день, когда будет Суд, непохожий на все суды,
Страна под названием Германия переполнится плеском воды.*

*Миллионы убийц, в предчувствии адских мук,
Побегут отмывать кровию со своих заскорузлых рук.*

*Будут мылить, тереть и усердно скоблить ладонь,
И от страха потеть, и свою ненавидеть вонь.*

*Папа с мамой возьмут кувшин и польют сынку -
Палачу, садисту, насильнику, мяснику.*

*Будут с рук капать капли, капля капли святей -
В каждой капле жизнь - отцов, матерей, детей.*

*Будет в каждом немецком доме капели плач,
Потому что в каждом немецком доме сидит палач.*

*Здесь живет писака - плотник духовных скреп,
Что нацистским бонзам руки лизал за хлеб.*

*А вот здесь - рабочий, классово-близкий друг.
Выходил под знаменем - красным, в центре - паук.*

*По соседству - химик, физик, стеклянный глаз.
Он создал пулемет, эшафот, крематорий, газ.*

*Рядом скромный бюргер с сонмом детей, внучат,
Просто ждал - когда же награбленное вручат...*

*Будут в каждом доме руки мыть и тереть,
И дрожать от страха, и смертным потом потеть.*

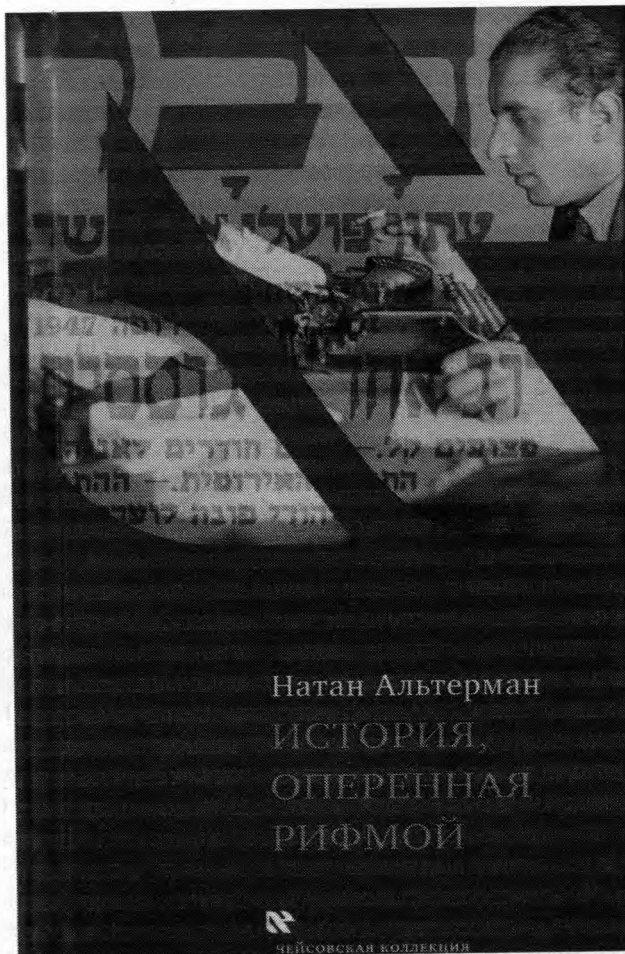
*И услышав это, всполошится сосед-нейтрал,
Что ворота запер и ключ подальше убрал.*

*Встрепенется политик в своей кабинетной тиши -
Тот, кто вел торговлю, когда надо было тушить.*

*И от малой конторки клерка до ватиканских вершин
Будет литься вода из кранов, будет звенеть кувшин.*

*Потому что в такие моменты
не приходится выбирать:
Чем целую вечность мучиться,
лучше вовсе кожу содрать...*

*А потом весь мир зарыдает,
проклиная свой прошлый грех,
Потому что воды не хватит.
Ни за что не хватит на всех.*

Натан Альтерман
ИСТОРИЯ,
ОПЕРЕННАЯ
РИФМОЙ

ЧЕХОВСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Детская коляска

В первых числах февраля 1944 года в порт Хайфы прибыл приписанный к Лиссабону трансатлантический лайнер "Ньясса". На его борту находилось 737 еврейских беженцев из Испании, Португалии и Испанского Марокко (Танжер). Большей частью это были западноевропейские евреи, содержащиеся до того в испанских лагерях для перемещенных лиц после бегства из нацистской Франции. Рейс был организован американским "Джойнтом" по соглашению с Франсиско Франко и с Британией, которая выписала иммиграционные сертификаты на всех пассажиров; в октябре тем же путем проследовало другое португальское судно ("Гвинея", отплавшая из Кадиса). Во время Второй мировой войны португальские пассажирские лайнеры беспрепятственно ходили из Лиссабона в Нью-Йорк, Балтимор, Филадельфию и страны Латинской Америки.

Оба судна, таким образом, совершенно легально привезли пассажиров в рамках 1500 сертификатов, которые ежемесячно выписывались британскими властями. Возможно, поэтому о визите этих лайнеров написано относительно мало: традиционная израильская историография отдает явное предпочтение описаниям нелегальных рейсов маапилим. Причина тому проста: тогдашнее руководство Еврейского агентства во главе с Бен-Гурионом придерживалось тактики принципиального отказа от сотрудничества с британцами в области иммиграционной политики, закрепленной в печально известной "Белой книге" 1939 года⁴. При этом установленная англичанами квота (15 тысяч иммигрантов ежегодно в течение пяти лет) была сравнительно щедрой, ибо реальные темпы алии в довоенное пятилетие составляли примерно 21 тысячу в год. С поправкой на военное время и крайне опасные условия судоходства превышение квоты "Белой книги" выглядело практически невыполнимой задачей.

В принципе, можно понять благие намерения Бен-Гуриона: он использовал проблему алии в качестве инструмента для достижения главной цели - создания еврейского государства. Однако позднее, после открытия британских архивов, стало ясно, что этот рычаг давления не сыграл особой роли в итоговом решении Великобритании - не продлевать мандат. Верней всего будет сказать, что заинтересованность Британской им-

перии в Эрец-Исраэль, изначально определявшаяся необходимостью контролировать Суэцкий канал, то есть морскую дорогу в Индию, начисто пропала обретения независимости Британской Индией в 1947 году. Англичане ушли из Страны главным образом из-за этого. Поэтому сейчас, оценивая события задним числом, я не могу отделаться от мысли, что тактика партии МАПАИ и Бен-Гуриона неоправданно создавала серьезные дополнительные трудности и без того нелегком деле спасения европейских евреев. Сомнительно полезная в стратегическом отношении, она была еще более сомнительной в моральном плане.

Как бы то ни было, прибытие океанского лайнера с евреями, чудом спасшимися из огненной европейской топки стало крупным событием для ишува. Газеты напечатали пространные репортажи. Корреспондент "Гаарец" упомянул в своей заметке детскую коляску, которая была привязана в числе прочего скарба к крыше одного из автобусов, везших репатриантов из Хайфского порта к новой жизни в сионистском отечестве.

Заметка попала на глаза Альтерману, и детская коляска стала темой стихотворения, которое было опубликовано в "Седьмой колонке" спустя несколько дней.

Стихотворение "Детская коляска" было опубликовано 4.02.1944 в газете "Давар".

*Их прославят в стихах и ученых трудах,
Снимут фильмы, и школьник заучит урок
Об узлах, чемоданах, вагонах, судах,
О ночевках в кюветах военных дорог.*

*Вот и беженец этот, как частный пример,
Мог бы вам рассказать о подобных вещах,
Если б он говорил хоть немного уметь,
Если б соска ему не мешала вещать.*

*Но и он, и сестренка, и брат-грамотей
Твердо знают и помнят: задача трудна -
В этой детской коляске, меж бомб и смертей
Пересечь континент, где пылает война.*

*В этом транспортном средстве колеса без шин,
В нем не крутится вал, и мотор не ревет.
Но коляску мощней самых мощных машин
Материнские руки толкают вперед.*

*Этот двигатель вечен, его не страшит
Ни ограда, ни яма, ни дикий репей,
Ни сырая долина, ни пики вершин
Пиренейских, альпийских, карпатских цепей.*

*Он стремится к спасенью сквозь пушечный гром,
Он не ждет от комиссий принятия мер,
Перед этой коляской склоняются потом
Генерал и министр, король и премьер.*

*Эти детские танки, прошедшие ад,
Безопасным границам безмолвный укор...
Да хранит вас Господь от угроз и утрат,
От чиновничьих дряг и разбойничьих нор!*

*Вас поставят в музеях средь старых картин,
И придут экскурсанты нестройной гурьбой
Подивиться на танк, что остался один,
Но не сдался, а принял и выиграл бой.*

Письмо Менахема-Мендла

Героями этого стихотворения являются не реальные люди во плоти и крови, а литературные персонажи рассказов и повестей Шолом-Алейхема - классика еврейской литературы на языке идиш. Это и Менахем-Мендл и его жена Шейна-Шендл, и мальчик Мотл, и Тевье молочник, и скрипач Степеню, и невинный Шалут Топале Тутуриту... Почему Альтерман вспомнил о них именно в тот момент? Наверно, потому, что как раз на

эту неделю пришелся день рождения Шолом-Алейхема. Подобный прием совмещения двух реальностей - литературной и наблюдаемой - принято относить к числу новейших постмодернистских находок, так что Альтерман в очередной раз демонстрирует здесь свою немеркнущую актуальность.

Написанное уже под конец войны стихотворение с печальной точностью предсказывает то, что проявится лишь двумя-тремя десятилетиями позже. В расстрельные рвы легли не только читатели "Повести в письмах" - письмах, которые писал Менахем-Мендл из Одессы своей жене Шейне-Шендл в Касриловку. Печальная судьба постигла и самих Менахема-Мендла и Шейну-Шендл: теперь их мало кто помнит. Ведь только для красного словца сказано, что рукописи не горят. В крематориях горят и рукописи, и книги, и собрания сочинений, и целые пласты человеческой культуры...

Стихотворение "Письмо Менахема-Мендла" было опубликовано 9.03.1945 в газете "Давар".

*Шейна-Шендл моя, сквозь ночь и пургу,
как луна из облачной тени,
Шейна-Шендл, мечтой в помутненном мозгу
ты коснешься моих видений.*

*Моя шляпа заломлена для куражу,
лапсердак ветрами иссечен.
Так я в жизни ходил, так я в смерти лежу -
говорят, что мой образ вечен.*

*Шейна-Шендл, вокруг только снег и гроза,
и все судьбы печально схожи.
Тевье умер, и Мотл, и Пейсах-хазан.
Дядю Пиню ты помнишь? Тоже.*

*И скрипач наш Стемпеню, бос и мал,
но красив красотой прежней.
И поет ему скрипка немой хорал
в омертвелой пустыне снежной.*

*Здесь же Топале лег, всем проказникам брат,
пацаненок из детской песни...
Если правда, что слезы и смех не горят,
то, наверно, и он воскреснет.*

*Нас вели в той ночи, словно скот на убой.
Шейна-Шендл моя, мы стояли
рядом с теми, кому мы дарили с тобой
радость счастья и радость печали.*

*Ты почистила старенький мой лапсердак,
повязала платок весенний.
Но никто не смеялся.
Смотрели так,
будто ждали от нас спасенья.*

*Ночь была от пожаров светла, и я
стал писать завещанье быстро.
На клочке простом, Шейна-Шендл моя, -
лишь о самом большом и чистом.*

*Лишь о том, как я счастлив тому, что ты
мне была женой и удачей.
Мы играли комедию вечной мечты,
но закончилось все иначе.*

*Мы шутили о смерти со сцен и страниц -
о нестрашной, домашней, спящей.
Но она пришла - в миллион десниц,
в миллион кулаков разящих.*

*Кто же думал - под скрипочку и под смех -
что пожрет нас адское пламя,
что актеры и зрители наших потех
лягут в красный снег рядом с нами.
Ну а мы, люди снов и тяжелых вериг,*

*слез и песен во тьме изгнанья -
мы мертвы - персонажи спектаклей, книг,
дети радости и страданья.*

*Шейна-Шендл, сквозь бури протяжный вой,
сквозь круги рычащего ада,
Шейна-Шендл, склонись над моей головой,
как незрячих очей отрада.*

Монолог Европы 1945 года

Что поражает в газетных текстах Натана Альтермана, так это их всевременность (или вневременность?), мало совместимая, на первый взгляд, с актуальными темами. Текст из "Седьмой колонки", перевод которого публикуется ниже, пугающе современен и сейчас, спустя 70 лет после написания. Да и в будущем, боюсь, его актуальность будет лишь нарастать. Это первое, что следует сказать.

А второе: поразительна точность понимания событий, которую демонстрирует автор. Ведь в 1945 году вся ответственность за Катастрофу возложена исключительно на немцев. Они только они были объявлены злодеями, а все прочие - жертвами, если не героями-союзниками. Грохот пушек сменился грохотом лжи. Но Альтерман безошибочно нащупал под внешней канвой событий их истинную суть. В "Монолог Европы 1945 года" ни немцы, ни Германия не упоминаются вовсе. Не потому, что на них нет вины - а потому, что их вклад представлял собой всего лишь часть (хотя и весомую) широких еврейских усилий.

Стихотворение "Монолог ненависти к евреям в Европе 1945 года" было опубликовано 3.08.1945 в газете "Давар".

*Никогда, никогда, еврей,
Не оставляю я твой народ.
За оградой лагерей
Буду ждать тебя у ворот.*

*Ты остался в живых, еврей.
Но не радуйся жизни, враг.
Красен хлеб мой кровью твоей,
Без нее мне теперь никак.*

*Мне шесть лет позволял судья
Жрать тебя на глазах у всех.
Жрал бельгиец, и жрал мадьяр,
И француз, и поляк, и чех.*

*Берегись городов, еврей,
Там раскинулась улиц сеть,
Там стоят ряды фонарей,
На которых тебе висеть.*

*Не ходи мостом через Прут,
Через Вислу, Дунай, Маас,
Ты ведь плыл там - распухший труп...
Ах, вернуть бы те дни сейчас!*

*Но на площади - верь, не верь -
Цел еще эшафот с тех пор.
Отворишь ненароком дверь -
На пороге - я и топор.*

*Ты свободен теперь опять,
Защищен законами. Что ж...
Не ложись только, парень, спать -
Ведь проснешься - у горла нож.*

*Ты теперь отрастил живот,
Вспоминаешь, грозишь судом:
Мол, верните мне мой завод,
Деньги, землю, работу, дом...*

Что ж, грозись. Но прими совет:

*Убегай, пока цел, родной.
Даже если дороги нет -
Лучше сдохнуть, чем жить со мной.*

Последняя милость

В последние годы в Сети можно встретить фотографии военного и послевоенного времени, на которых запечатлены граждане оккупированной Германии в ходе весьма неприятного занятия. Как известно, союзники заставили немцев извлекать из лагерных трупных сараев и расстрельных рвов полуразложившиеся тела умерщвленных евреев, дабы похоронить их останки в братских могилах. Думаю, многим попадались на глаза эти снимки - достопочтенные фрау в шляпках и гражданских пальто, а также солидные пожилые герры в костюмах, отвернув сморщенные от нестерпимой вони носы, тащат на носилках то, что и язык описать не поворачивается. А на фоне - американский солдат с автоматом, полураскопанный ров, торчащие из рыхлой земли руки со скрюченными пальцами, неестественно вывернутые ноги, черепа со спутанными колтунами волос.

Как правило, публикация подобных фотографий на форумах и в блогах вызывает самые разнообразные отклики - от "так им и надо, сволочам" до "ну а гражданские-то чем виноваты". Помимо судьбы фрау и герров, обсуждается также и роль американца с автоматом. Но ни разу никто не попытался представить, что подумали бы об этом те, чьи останки лежат на носилках. Оказывается, этот вопрос совсем не столь риторический, каким мог бы показаться на первый взгляд.

Натан Альтерман, вместе с прочими жителями Эрец-Исраэль, узнал о вышеописанных показательно-наказательных захоронениях из краткого газетного сообщения и сразу откликнулся на него стихотворением в "Седьмой колонке" от 27 апреля 1945 года, то есть всего за три дня до самоубийства Гитлера. "И стащил бы немца в могилу..." Вот такое любопытное совпадение...

Стихотворение "Последняя милость" было опубликовано 27.04.1945 в газете "Давар".

*Он меня кулаком по лицу хлестал,
Рвал мне спину кнутом разящим.
А мой сын в пыли перед ним лежал
Под его сапогом блестящим.*

*Он был немцем, властителем всей земли,
Убивал нас, мольбам не внимая.
А теперь его сапоги в пыли:
Немец выгнан зарыть нас в землю.*

*Встань, мой мальчик! Убийцы твой труп несут,
С отвращеньем борясь и страхом.
Немцу кару назначил союзный суд -
С нашим мертвым возиться прахом.*

*Встань, скажи им, издавшим такой приказ,
Что и в смерти нет хуже муки:
Как на свалку падаль, волочат нас
Сволочей поганые руки.*

*Лучше сразу по ветру мой прах развеи,
Кинь собакам, пусти на мыло,
Но не им - добрякам немецких кровей,
Что свой долг отдадут постылый.*

*Этот долг все равно не отдать, не вернуть -
Мне от них ничего не надо.
Так зачем осквернять мой последний путь
Этим гнусным трепным парадом?*

*Лишь одно я знаю: когда б Господь
Мне вернул на мгновенье силу,
Я вонзил бы ногти в живую плоть
И стащил бы немца в могилу.*

"СМЕЯТЬСЯ РАД, ДА ВРЕМЕЧКО УШЛО..."

"К поэзии вершинам
путь тернист,
Достичь их - труд велик,
соблазн - тем паче.
И вот за альпинистом
альпинист
штурмует их -
в надежде на удачу".

Так в переводе с языка идиш на русский Александра Галембо звучит одно из стихотворений, написанных еврейским поэтом Мотлом (Михаилом Иосифовичем) Грувманом. 31 декабря исполняется 30 лет со дня его смерти.

А родился Мотл в Немирове Винницкой области Украины, по одним сведениям - в 1918-м, по другим - на два года раньше. Штурмовать вершины поэзии, как написал об этом сам Грувман, он начал в 30-х годах прошлого века. Первые его публикации появились тогда в выходивших на идише газетах "Зайгрейт", "Юнге гвардия", "Штерн", в литературно-художественном журнале "Форпост". В 1937 году Мотл закончил Харьковский планово-экономический техникум и был призван на службу в армию, с которой связал не годы, а десятилетия. Грувману довелось в 1938-м участвовать в боях у озера Хасан, а затем пройти огненными дорогами Великой Отечественной войны, вплоть до окончательного разгрома фашизма. Но и на этом армейская жизнь для Мотла Грувмана не закончилась. В запас он уволился лишь в 1960 году, в звании подполковни-

ка, имея 15 правительственных наград.

Перед войной, в 1940 году, стихи Грувмана были опубликованы в сборнике "Ошер Шварцман" (изд. "Дер Эмес", Москва). Будучи на фронте, поэт писал о фронтовых буднях, о боевых товарищах. Поэтическое творчество Мотл продолжил и в послевоенное время. Можно привести не один десяток периодических изданий, в которых появлялись его стихи, однако автор никогда не стремился к известности - он просто писал, потому что было это потребно его душе. Поэзия служила для Грувмана способом самовыражения, и диалоги в своих произведениях он вел, в первую очередь, с самим собой - задавая непростые вопросы и пытаясь найти на них ответ. За большой период творческой деятельности, свет при жизни поэта увидели лишь два его сборника - "Метельные годы" (на языке идиш) в 1963-м и "В жизнь влюблен" (на русском языке) - в 1986-м. Впервые все, написанное им, было собрано в одной книге почти через два десятилетия после смерти Грувмана - в 2007 году. Содержание этого сборника под названием "Живи и свети" составила вся жизнь Мотла: детство в еврейском местечке и военные годы, стихи в память о погибшей в Бабыем Яре матери, любовная лирика, посвященная супруге поэта Серафиме. В качестве иллюстратора книги выступил известный живописец, народный художник

России Борис Непомнящий из Новгорода, где долгое время жил и работал Мотл Грувман. Открыв нового для себя поэта, мастер кисти был настолько впечатлен проникновенными, необычайно эмоциональными и часто ироничными стихами Грувмана, что и после издания сборника с двадцатью своими иллюстрациями, продолжил работу над циклом офортов по мотивам грувмановской поэзии.

Стихи Мотла переводили на русский язык В.Азаров, Н.Грудинина, А.Кушнер, А.Чепуров, А.Галембо и другие. В свою очередь, на идиш Мотл Грувман перевел стихотворения Ю.Друниной, С.Гудзенко, М.Дудина, М.Львова.

Из поэтического наследия Мотла Грувмана

Мой дедушка

Айзек дер Меламед,
дед мой старый,
Скромным был
и неприметно жил.
Только жизнь его
примером стала,
Я бы песню про нее сложил.

Четверть века
Айзек был солдатом,
Рядовым российского царя.
И солдатский долг
он помнил свято -
Так его награды говорят.

В грозных войнах,
боевых походах
Исходив Россию и окрест,
Своего не опозорил рода -
Заслужил Георгиевский крест.

И вернувшись,
Айзек дер Меламед,
Как и прежде,
скромен был и прост.
Но городской,
как буква "ламед"*,
Перед ним вытягивался
в рост...

Да, городской, его встречая,
Честь еврею первым отдавал.
Что Святой Георгий означает,
Это он прекрасно понимал...

Дети очень дедушку любили,
Целый день он был
в кругу ребят.
Наставлял их,
чтобы честно жили,
Свой народ и свой язык любя.

Он учил их, чтоб не пасовали
В многотрудной жизни и в бою,
Чтобы никогда не забывали
Матерей и Родину свою.

Смело жил, открыто
и достойно,
Как орел, - и прожил
сто пять лет.
Умер так же просто и спокойно
Айзек дер Меламед - мудрый дед.
И оставил Айзек дер Меламед
Среди тех, кто жив еще сейчас,
О себе прекраснейшую память.
Пусть так будет
сказано про нас!
Перевод А.Галембо

Мальчик Мотл

В местечке, где я честь
имел родиться,
Где до сих пор обычаи хранят,
Друзья, переиначив
смысл традиций,
Назвали сына Мотл -
в честь меня.
Не потому, что имя
так красиво, -
Скорей всего хотят мои друзья,
Чтобы, как я,
он был жизнелюбивым
И верный в жизни путь
нашел, как я.

Друзья мои, желание
ваше лестно,
Но знать должны вы,
что моя судьба
Досталась мне
не манною небесной -
Знакомы мне страдания
и борьба.
Я знаю боль утрат и цену риска,
Разруху, голод - все изведаль я.
Я часто видел смерть
настолько близко,
Что руку протяни - она твоя.

Мой мальчик, пусть в твоей
счастливой жизни
Не будет никогда войны и слез.
Но вот любовь к народу
и отчизне
Неси в себе, как я ее пронес.

В местечке, где я честь
имел родиться,
Где до сих пор обычаи хранят,
Друзья, переиначив
смысл традиций,
Назвали сына Мотл -
в честь меня.
Теперь перед людьми я отвечаю
И за себя, и за него - вдвойне.
Честь имени -
вдвойне оберегаю.
Оно принадлежит
не только мне.

Я оступиться не могу ни разу,
И каждый шаг мой
должен быть большим,
Чтоб мной гордился мальчик
черноглазый -

Еврейский мальчик
с именем моим.
Перевод А.Галембо

Никто, никто еще не знал
Цены и сроков той разлуки
И, расставаясь, не рыдал,
Беспомощно ломая руки.
И только старый мудрый клен
Дрожал от страха
каждой веткой,
Как будто бурю вызнал он
Узатаившегося ветра.

Винтовка давит на плечо,
Но юность отдыха не просит.
Шептались в поле горячо
Пшеницы статные колосья,
Но где-то в зелени лесной
Сиротски прокричала птица,
Как будто знала, что домой
Не каждый пахарь
возвратится.

Каким он будет, наш удел?
Да разве ж мы о том гадали?
В огне, в крови, в смехе тел
Мы жизнью смерть одолевали.
А песни пели в те года -
Шутить с такими
не посмейте! -
О том, что "горе не беда"
И что "любовь сильнее смерти".

Когда на поле боя тишина,
Не рвутся мины
и не свистят пули,
Когда в траншеях войны уснули
И чуткий сон их
сторожит луна,
Скорблю о том, как мало я успел
В моей счастливой
довоенной жизни,

Как мало тайн земли
и неба вызнал,
Как тихо и стыдливо
песни пел...
Так скудно я дышал
цветов настоящим,
И в росных травах
уречных зеркал
Так робко я любимую ласкал,
Что, может, и любви ее
не стоил.

Вот если б мне живым
вернуться к ней
С солдатской храбростью,
в боях добытой,
Ее надежным другом и защитой
Я оставался б
до скончанья дней.
Я стал бы нежным,
как сама весна,
И в полный голос бы
сумел распеться...
Бушует буря у солдата
в сердце,
Когда на поле боя тишина.
Перевод Н.Грудининой